

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виктор Сбитнев

Время животных

Виктор Сбитнев

Время животных. Три повести

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сбитнев В. А.

Время животных. Три повести / В. А. Сбитнев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В эту книгу включены три повести: притча «Дива», современное житие «Звезда и смерть Саньки Смыкова» и драма «Время животных». Причём, название последней объединяет эти три вещи под одной обложкой не случайно. Вместе с относительной стабилизацией российской жизни в «нулевые» годы в нашу действительность медленно, но верно стал возвращаться так называемый «застой», хорошо знакомый поколению так называемых «семидесятников». Это «возвращение» обретает свои типологические особенности в наши дни, главная из которых – люди и животные начинают, так сказать, меняться местами. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Об авторе	6
Звезда и Смерть Саньки Смыкова	7
Пролог	8
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвёртая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	27
Глава седьмая	30
Глава восьмая	32
Глава девятая	34
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

От автора

В эту книгу включены три повести: притча «Дива», современное житие «Звезда и смерть Саньки Смыкова» и драма «Время животных». Причём, название последней объединяет эти три вещи под одной обложкой не случайно. Вместе с относительной стабилизацией российской жизни в «нулевые» годы, в нашу действительность медленно, но верно стал возвращаться так называемый «застой», хорошо знакомый поколению так называемых «семидесятников». Это «возвращение» обретает свои типологические особенности в наши дни, главная из которых – люди и животные начинают, так сказать, меняться местами. И если животные, становясь человечнее, только выигрывают, то животное начало в человеке низводит его до уровня басенной «свиньи под дубом».

Об авторе

Виктор Сбитнев родился в Москве. Окончил Новгородский государственный педагогический институт и аспирантуру ЛГПИ им. Герцена, преподавал литературу в родном вузе. С 1988 года живет в г. Костроме. Много лет занимался журналистикой, был редактором костромских газет. Сегодня является главным редактором литературно-художественного альманаха «Костромской собеседник». Автор романов, повестей, рассказов, литературных эссе. Член союза российских писателей.

Звезда и Смерть Саньки Смыкова **Повесть о потерянном поколении**

«Он мальчик из тех, что не плачут».

Пабло Неруда

Пролог

Саньке было так худо, что за последние минут десять он уже не единожды пожалел, что вообще когда-то неосмотрительно явился на свет. А именно, что ровно тридцать три года назад его никак не желавшей разродиться матери измученные акушеры располосовали живот – от пупка до лобка, выпустив, таким образом, на свет уже посиневшего от удушья младенца, которого после выемки из инкубатора родители, пошушукавшись в вестибюле, решили назвать в честь отсидевшего пять сроков деда – Александром. Но уже в детском саду его по имени почти никто, кроме воспитателей, не звал. Все кликали необыкновенно шустрого мальчонку Смыкой, усечённой формой отцовской фамилии – Смыков. Но сейчас, кое-как удерживаясь на засиженной голубями скамье под окнами родительской квартиры, он даже прозвища своего вспомнить не мог, блуждая мутным взыскующим взглядом по неухоженным выпуклостям родного двора: может, кто случайный нальёт хоть граммов сто какой-нибудь дряни типа «Золотой плесени» или «Аромата задов», излюбленных местными алкашами дешёвых фруктово-ягодных напитков? И вот на противоположном конце двора появились две вполне подходящих фигуры.

Одного из пришлецов Санька тут же узнал. Это был Бес, много лет назад учившийся с ним в ремеслухе, которую он бросил за неделю до государственных экзаменов. Бес бережно нёс ведёрную пластмассовую канистру, а его не знакомый Саньке напарник – яркий полиэтиленовый пакет с ручками, от которого густо наносило пряным духом солёной рыбы. Санька даже поздороваться не успел, как уже был стиснут с обеих сторон весёлыми, бредущими невесть куда бутлегерами.

– Вижу, хреново тебе, Смык? – не спросил, а констатировал Бес. – А мы вот как раз спиртяги за адидасовские кроссовки выменяли.

– Кроссовки-то сняли с кого? – с пониманием спросил Санька.

– Ну, не свои же на пойло бартерить! – Как будто даже с обидой на «некорректное» Санькино уточнение отреагировал Бес. – Да вот маринованной салакой Зинка-продавица с заднего двора наградила! Это вот Гендос постарался, всё утро её обслуживал прямо в подсобке на топчане. Гуляем! Гендос в это время, представившись «Геной» и вяло пожав Санькину руку, расстелил на старом отполированном выпивками пенёке газету и выложил на неё с дюжину рыбёшек и краюху ржаного. Смыка довольно ослабился и, ещё даже ни грамма не выпив, почувствовал заметное облегчение. «Как это в дурдоме в прошлый раз говорили? – силится он напрячь похмельную память, по привычке наблюдая за тем, как прозрачная жидкость аккуратно расходится по «дежурным» пластмассовым стаканам. – А, «психологический фактор»! Тебе сказали «водка», а дали воды, но если ты уже выпивши, то можешь, не разобрав спьяну поднесённое, ещё сильнее захмелеть. Вот и сейчас: увидел – и готово! Можно и не пить... ха-ха!». И лучше бы Санька не пил! Но он цепко ухватил своей рабочей клеиной синей пружинящей ариши и, стараясь не обонять его содержимого, чтобы не вырвало, лихо запрокинул голову. Спирт показался ему каким-то необыкновенно лёгким и чересчур сладковатым, оставив ранее не знакомое, напоминающее просроченную халву послевкусие. Он недовольно мотнул головой и спешно задавился бутербродом с салакой, рассчитывая, что солёная рыба быстро перебьёт и эти химические сгустки в гортани, и тут же возникшую где-то меж рёбер кислую желудочную отрыжку. Кусая бутерброд и судорожно сглатывая обильную слюну, он в это же время заметил, что стаканы его собутельников стоят нетронутыми.

– А вы что, мужики, не пьёте? – удивлённо спросил он. – Не лезет что ли?

– Да мы за пять минут до тебя, – испытующе глядя на Саньку, как-то неуверенно заговорил Гендос, – уже приняли по сотке. Сейчас уляжется немного – спирт всё же – и добавим вдогонку. А то не отрубиться бы раньше времени. В это время Санька почувствовал,

как спирт стал жаром расходиться по телу. Вот только не расслабляющим, как обычно, был этот жар. Напротив, он гнал по всему телу какую-то мелкую знобь, от которой его всё больше кидало в пот – так что даже с кончика носа закапало, а волосы стали столь влажными, что слиплись, как после бани.

– Ты чего, Смыка? – испуганно спросил Бес. – Не легло что ли?

– Что-то мне, Бес, плохо, – почти шёпотом отвечал Санька. – Пойду я прилягу у себя.

– погоди, мы тебе поллитровку нацедим, – предложил, стараясь быть щедрым, Гендос.

Вместо ответа Санька лишь отрицательно мотнул головой, уже не в силах сказать угостившим, что, дескать, спирт ваш – фуфло палёное, и пейте вы его, суки, сами! Он с усилием разогнул ноги и, заметно покачиваясь, побрёл к подъезду. Но это не походило на шатания пьяного человека. Это были скорее симптомы приближающегося недуга. И ещё не успел Санька подняться на свой второй этаж, а уже Бес с Гендосом, выплеснув в траву содержимое своих стаканов, проворно вскочили и рванули со двора вон, прямо к ближайшей автобусной остановке, чтобы как можно быстрее раствориться в безликих новостройках Города. А Санька, не дойдя до дивана, тяжело осел в плюшевое кресло, затем потянулся к кувшину с водой на журнальном столике. Но, не удержав равновесия, кулём завалился на бок и, высунув набухший язык, тщетно пытался двумя пальцами вызвать обычно приносившую облегчение рвоту. Руки и ноги его стали стремительно холодеть, а правое подреберье налилось расплавленным свинцом. Санька вдруг вспомнил, как в детстве отец учил его отливать свинцовые грузы для донок: сначала расплавляли в консервной банке аккумуляторные решётки, а потом осторожно разливали жидкий свинец по дешёвым алюминиевым ложкам. Потом, чтобы остывающие заготовки не липли к формам, они обливали их холодной водой из-под крана. Санька навсегда запомнил запах проворно улетающего в вентиляцию свинцового пара. Но сейчас намертво вцепившийся в Санькину печень свинец, отставать от неё не желал. Наоборот, он непреодолимо стал подниматься к его сердцу и голове, и тогда Санька окончательно понял, что его угостили не тем спиртом, что и не пили залётные Бес с Гендосом лишь оттого, что хотели проверить на нём качество «непонятого» пойла. И в этот момент, всего через четверть часа после выпивки, Санька вдруг явственно понял, что умирает и уже не в силах вызвать «скорую», потому что и язык его тоже налился свинцом. Дёрнувшись на ковре ещё несколько раз, он вдруг судорожно выгнулся как на борцовском ковре и весь пошёл фиолетовыми пятнами. Последнее, что успел он ощутить на этом свете, была крупная тяжёлая слеза, которая медленно ползла по его утрачивающей всякую чувствительность щеке.

– Бес-с-с! – с невероятным трудом разлепил умирающий набрякшие губы. – За что-о-о?.. Так он и остался выгнутым, как немой вопрос, и даже глаза закрыть не успел. И молодой уже врач, который через несколько часов констатировал Санькину смерть, долго не мог потом забыть этот прощальный упрёк, застывший на лице ещё совсем молодого красивого мужика.

Глава первая

Ещё полностью не проснувшись, Санька уже помнил, что этой ночью, после выпускного в ПТУ№5, где он около трёх лет якобы постигал азы слесарного дела, в центральном парке была затеяна совместная с киповцами (КИП – контрольно-измерительные приборы) пьянка, разбрызгавшаяся потом по всем исходящим от парка лучам наиболее крупных городских улиц. Вчерашние пэтэушники всего за несколько часов вдруг осознали себя переступившими заветную черту взросления. То есть стремглав перешагнули промежуток, долгие годы отделявший их, во всём зависимых школяров, от их же, но уже вполне себе взрослых и самостоятельных мужчин. И когда озарение это окончательно дошло до ещё шатких молодых мозгов и было возбуждено винными парами и так называемым «синдромом толпы», они дали родному Городу такой копошти, что местная милиция, своевременно не успевшая удвоить ночные патрули, впала в техногенный ступор. Козелки и «буханки» как будто специально не заводились, ворота гаражей заедало, а на «демократоры» (резиновые дубинки) неожиданно был наложен запрет из самой Москвы. Словом, патрули вышли на ночные улицы с существенным опозданием и совершенно безоружными. К этому времени опившиеся двадцатиградусным «Солцедаром» выпускники уже успели перебить в парке всё освещение, изуродовать новые, недавно расставленные вдоль аллей скамейки и обоссать памятник Дзержинскому. С его именем были связаны абсолютно все пэтэушные проверки, ограничения, запреты и, естественно, наказания. Санька также сумел, при помощи вырванной из какого-то ограждения штaketины, водрузить на козобразную голову «друга всех хулиганов» вызывающе голубую шляпу, в которой железный Феликс стал сильно смахивать на изрядно потасканного гея. Когда прибывшие на место поруганья своего первого патрона милиционеры потребовали шляпу убрать, невесть как затесавшийся в пэтэушные ряды двухметровый студент-филолог Рыка, достававший бронзовому чекисту почти до подбородка, прорычал в сторону законников:

– А на кой сымать-то? Крупской у него не было. Он Троцкого с Бухариным драл. Вот пусть и стоит теперь в голубой шапке, как положено! Трое патрульных кинулись, было, Рыку, вязать, но десятки разгорячённых спиртным выпускников загородили им проход и стали доставать из карманов велосипедные цепи. Явственно пахло кровью. Невооружённые сержанты сначала попятнулись, а потом и драпанули во весь опор к стоящей за парковыми воротами «пятёрке», где вовремя прочувствовавший ситуацию водитель уже успел запустить двигатель. Следом неслись победный стёб и глумливое улюлюканье. Кто-то «подарил» Дзержинскому ещё и старую дамскую сумочку, из которой свешивался чекисту прямо на бронзовую ширинку кем-то подобранный в кустах невероятных размеров лифчик. Пацаны отрывались по полной!

Санька открыл правый, пострадавший от железной стружки глаз, который в связи с этим лучше видел вблизи, и обнаружил папу Федю. Тот уютно сидел за круглым семейным столом и неспешно прихлёбывал пиво из полулитровой стеклянной кружки, которую сын выиграл в секу у пьяного буфетчика. Тот, на свою торгашескую задницу, узнал вдруг, что его точку вот-вот закроют по приказу самой Райки Горбачёвой. Как недавно сообщили «вражьего голоса», её брат пьёт куда больше любого из алкашей их покрытого провинциальной плесенью трёхсоттысячного областного центра. Точка работала и сегодня, а вот буфетчик спьяну полез в петлю. Звали его Суслик, и он до этого совсем не пил, разве что резал маки у тётки на даче и выписывал у знакомой врачихи рецепты на таблетки с кодеином и сильные транквилизаторы. Заметив шевеления сына, папа Федя наполнил ещё одну кружку светло-коричневой влагой и подвинул её в сторону сына.

– Смотри, не опрокинь, тока! – бросил он через стол и положил на язык плоский кругляк копчёного сыра. Кое-как выпростав из-под колкого верблюжьего одеяла свои волосатые уже ноги, Санька осторожно подлез задницей к столу и, склонившись по – коровьи над кружкой

(руки у него позорно тряслись), стал шумно втягивать в себя её содержимое. Отец, недовольно дёрнув головой, порицать сына не стал: то ли из уважения к его первому дню взрослости, то ли понимая его «развинченное» после выпускного состояние. Вот так же за этим столом сидел когда-то, после очередной отсидки, его отец Александр Фёдорович Смыков и тоже с удовольствием пил холодное «жигулёвское» или «рижское», или «московское» и неспешно мусолил такой же вот сыр с миндалём, и смотрел на него запавшими, полными глубокой тюремной печали глазами.

– Ну, что, сына, как погуляли? – спросил почти равнодушно, как будто только для отцовской галочки папа Федя, окончивший, между прочим, геодезический техникум и географический местного пединститута заочно. Будучи уже пенсионером по возрасту, папа Федя оставался ещё одним из лучших инженеров-гидрографов в местной мелиорации. В командировки его уже не посылали, а вот карты он по-прежнему «рисовал» самые исчерпывающие и точные. По ним легко ориентировались даже командированные из Ташкента и Минска узбекские и белорусские мелиораторы.

– Погуляли неплохо, только Сандору с КИПа в вырезатель повязали, – искренне досадуя на случившееся, отвечал сын Санька.

– Свалился что ли где или сквернословил? – опять больше для формы поинтересовался папа Федя.

– Если бы свалился! – делая последний глоток, воскликнул Санька. – Так, он, мудила, наблевал на крыльцо УВД. Теперь, наверное, такой штраф выпишут, что всю первую зарплату придётся отдать этим кашалотам!

– Боюсь, что одним штрафом он не отделается, – выразил серьёзные сомнения Санькин отец. – Тут хулиганкой несёт, а уж 15 суток – так, это как с куста!

– А что делать-то, бать? – с надеждой, словно это он лично заблевал областное управление внутренних дел, спросил Санька.

– Только ждать и надеется. – Не раздумывая, проговорил папа Федя. – Там же наверняка всё просматривается. Об этом, думаю, уже и сам генерал знает! Так бы сунуть четвертной какому-нибудь начальнику патруля – и дело в шляпе. А тут такой конфуз! Да вы, я тут слышал, их этого... с холодной головой и потными руками в гомика вырядили. Твоя, блин, идея?

– Так, ты сам, бать, мне тут всю плешь проел их аморалкой! – С обидой вскинулся Санька. – Ленин сразу с несколькими бабами спал, брата Кагановича за какие-то извращения упекли, Коллонтай в деталях рассказывала своему мужу – революционному матросу, как её имел Троцкий, а последыш того же Держинского Берия вообще школьник портил, гнида. А тут, вишь, выпили, расслабились... да и надоели они все со своими баснями про мораль да этот... как его... социалистический образ жизни. И сами совокупляются, как кролики. Цыпа вон нашего мастака с завучем по воспитанию в инструменталке застучал за этим делом. Она больше всех про целомудрие квакала, а тут от кайфа едва тиски из стола не вырвала. А ведь замужем, и дочка школу заканчивает. И у мастака – семья. Ну, хоть бы помалкивали про семью и детство, раз между ног свербит! Вы вон с матерью хоть и выпиваете, но разве когда так поступали? И никакой морали я от вас ни разу не слышал! Папа Федя благодарно потрепал сына по плечу, подлил ему пива, отрезал сыра и отправился на кухню ставить чайник. А Санька, ощутив сразу головой и пузом некоторое облегчение, пошлёпал босиком в ванную – чистить зубы и ополаскиваться прохладной водой.

Однако, вместе с холодной водой в сток ванны почему-то ушло и выпитое Санькой пиво. Поэтому за кухонным столом Санька вновь потускнел лицом и почти ничего не ел. Его подташнивало и штормило, словно он подставился на крохотном ялике под крутую волну пролетевшей рядом «Кометы». Он пытался сосредоточить взгляд на каком-нибудь кухонном предмете, но уже через секунду – другую предмет этот либо раздваивался, либо вообще превращался в какую-нибудь гримасу из прошлого. И Санька, холодея нутром, созерцал то хитрый оскал

своего классного руководителя Ваньки, то мучнистый бюст донимавшей его замечаниями в дневник учительницы химии Занозы, которая вместо серы говорила «сери», а вместо Смыков – «Ыков», хоть Санька не раз и замечал ей, что на «Ы» русские слова не начинаются, а он, Смыков, в отличие от неё, Занозы, – русский. В ответ она записывала ему очередное замечание классному Ваньке, тоже коверкающему половину русских слов, а на словах добавила, что его ученик из неблагонадёжной семьи (в школе знали, что Санькин дед не раз сидел) – уже в пятнадцать лет законченный националист и в девятый класс брать его не годится. После таких жалоб Ванька сладострастно оставлял Саньку после уроков, чтобы несколько раз задавать один и тот же вопрос: «Смыков, ты доволен советской властью?». Санька отвечал, что вполне, с чем классный рьяно не соглашался: «А я, Смыков, считаю, что ты недоволен советской властью!». Однажды, незадолго до окончания восьмилетки, в ходе одного из таких допросов Санька не выдержал и заехал Ваньке в ухо. Классный, конечно, из чувства стыда жаловаться директору не стал, но в девятый класс Смыкова, конечно, не взяли. И даже в техникум с выданной ему характеристикой поступать было бесполезно. Санька даже плакал от несправедливости, потому что учился он неплохо, особенно по истории, литературе и географии, черчению и физкультуре. А уж как не чаял в нём души учитель труда Виктор Михалыч по прозвищу Резьба! Он всегда назначал Саньку своим помощником, и они вместе натаскивали мальчишек – Санькиных одноклассников – на слесарном и токарном станках, ни мини-пилораме и за рубанком, фуганком и иными столярными инструментами. Да и в баскетбольной команде школы Санька был очевидным лидером, и на школьных вечерах он играл на выбор: хоть на бас – гитаре, хоть на ритме, хоть на ударных. И, тем не менее, ему родная школа, как выразился папа Федя, «вставила в задницу волчий билет!». И пошёл Санька в ПТУ на слесаря, успокоенный соседом-работягой с третьего этажа, что слесари шестого разряда получают на его заводе больше полковников и профессоров – до тысячи рублей и, между прочим, каждый год ездят в ГДР, Польшу и даже Югославию, где практически капитализм и «даже есть проститутки». Папа Федя про югославских проституток ничего не слышал, но согласился, что, во-первых, человеком можно стать и на заводе, а во-вторых, что проституток гораздо больше в аккурат среди интеллигенции, и что не зря даже нередко говоривший дельные вещи Ильич, называл нашу интеллигенцию «говном». «И вообще, – заметил сыну изрядно потрёпанный жизнью отец, – институт можно окончить и после армии. Пойдёшь после дембеля на подготовительные курсы, где стипендию платят и где советскому солдату поступление на первый курс гарантировано. И учиться ты будешь не как семнадцатилетние засранцы, а вдумчиво, с прицелом на конкретную профессию и вообще карьеру. Не ссы, сынок, и ты увидишь на небе свою звезду!». О, если бы только предвидеть, что всего через несколько лет не будет на этом свете ни советских солдат, ни самого советского государства! И вот сейчас Санька, болезненно вспоминал об этом и, кое-как преодолевая дурноту, пытался избавиться от назойливых гостей – уродцев из своего недавнего прошлого. В конце концов, папа Федя тяжело вздохнул и достал из холодильника запотевший графинчик:

– Вижу, как ты маешься, да и мне пиво что-то не слишком помогло. Слабенькое больно, разбавленное, пади? – папа Федя разлил ледяную водку по гранёным стопарям. – Ты только не перепивай сегодня, а то как привяжется Похмельч, не отвязаться будет после такого выпускного. Сейчас сойдёте, начнёте вспоминать, всё по новой переживать, друг дружку спасать, и понеслось... под это дело! Мы с тобой лучше в баньке попаримся да щец я дома сварганю. Самогона мне сегодня литров пять принесут. Так понемногу и выберешься. Главное, чтоб дома и на сытый желудок. Когда он полный, много и не выпьешь! Проверено.

Глава вторая

Но париться им в баньке, увы, так и не пришлось. Сначала сам папа Федя не удержался и опился самогоном ещё круче, чем Санька на выпускной бормотухой. А потом, когда отец третий день не просыхал, к Саньке заявили уставшие от его молчавшего телефона приятели и позвали рыбачить с лодки.

– Смыка, бери пару батькиных спиннингов, – по-хозяйски распорядился Сандора, которого не только уже по утру отпустили, но и взяли всего четвертной – за услуги вытрезвителя. – Братан вчера двух лещей на донку зацепил и сопы – целый кузан! На Быки рванём, там на течении голавль стоит и крупная плотва. А Зазуля прошлой весной даже шуку на червя выдержнул, небольшую, правда. Но ловля там – ничтяк! Не заскучаешь.

– У вас хоть на бензин-то есть? – спросил пацанов очумевший от домашнего затворничества и Фединога полубреда Санька. – Или у батьки зацепить, пока он не очухался?

– Обижает, начальник! – с нарочитой укоризной прошепелявил сломавший на выпускном челюсть Питкин. – Вон Ганза с целой канистрой на площадке дожидается. К тебе не занесли, чтобы папу Федю воню не раздражать. А то ещё возбудится и опять про 37-ой начнёт! Надоело, блин! Всё у нас так: прошлое – ужасно, будущее – прекрасно, а настоящего в натуре – нет!

– А рыбалка? – не согласился Сандора. – А грибы, а брусника с клюквой? Это что вам, не настоящее? А ещё у нас есть шесть бомб «Лучистого» и полведра варёной картошки с солёными огурцами и хлебом! Пошли, пацаны! Чо о будущем париться? У Горбача на лысине метка – значит без него, минерального секретаря, обойдёмся. Забодал он уже своим трёпом! В это время под окнами тоскливо завывала собака. Питкин нетерпеливо засучил ногами, осторожно потрогал распухший подбородок, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Никак кто-то дуба врезал! Пошли быстрее, пока опять какая-нибудь задница ни наехала! И действительно, в последнее время пацанам несколько раз досадно не везло. Только они Ленку с Наташкой уговорили расслабиться у Ганзы на даче, так пока собирались, у девок месячные начались. Брагу у Сандоры на антресолях поставили, только собрались пробку снимать, у ёмкости пробку вышибло, и такой дух по всей квартире пошёл, что Сандорин батька предъявил свои претензии на пятьдесят процентов. Ну, разве с ним выпьешь по-людски, если он даже политурой не брезгует? Шутка ли, как рассказывал сам Сандора, месяц назад он вместе с двумя алкашами из соседнего дома, затарившись под завязку политурой, просидел в подвале больше трёх дней! Они взяли с собой механическую дрель со специальным наконечником, который вставляли в ёмкость с политурой и начинали его быстро, как сверло, вращать. Весь лак при этом налипал на наконечник. Его в несколько приёмов извлекали и соскабливали, а в ёмкости после этого оставался почти чистый спирт. Случались и иные казусы: когда квас из бочки тямили, Смыка вчистую испортил новые белые штаны, когда тянули горячие булки из пекарни, Ганза наступил в темноте на ржавый гвоздь, когда выносили из гастронома консервы в рукавах, банка сардин неожиданно выскользнула прямо на кассе – хорошо ещё, что знакомая контролёрша не сдала: пришлось её за это дело шампанским с шоколадкой ублажать. «Но всё это, – как любил снимать напряжение папа Федя, – мелочи по сравнению с мировой революцией!». «А не мелочи, – думал Санька, – это как теперь удастся организовать свою взрослую жизнь и отучиться от регулярных пьянок с обязательной опохмелкой. И батьку с мамкой надо как-то встряхнуть: дачу им что ли купить, если стану, как планирую, хорошо зарабатывать? Пусть там в земле копаются да соловьёв слушают: небось, не до поила будет! Шахтара говорил, что как только его папа Гоша участок за городом завёл, так сразу и запои прекратились. Выпивает по выходным, но самую против прежнего малость!».

До лодочной станции рыбаки добежали за четверть часа и, запыхавшись, решили перед выездом для полного успокоения принять по аршину красного. Пока Ганза заливал в «Вихря» горючку, Смыка разливал вино, а Сандора освобождал от фольги сырок «Дружба». Потом Ганза с третьего рывка запустил движок, а Смыка со второй попытки провернул ключ в ржавом запоре и бросил в «Казанку» буксировочную цепь. Пока грелся мотор, пацаны успели наживить удочку и извлечь из мутноватой в затоне воды пару крупных уклеек, которых, играя на публику, Сандора круто посолил и отправил в рот ещё живыми. Всё это, несомненно, предвещало удачное ужение на Быках! Просевшая под рыбаками небольшая «Казанка» зарывалась в крутую речную волну и гулко стучала днищем – всё равно, как по стиральной доске. Питкин курил «Аэрофлот», Ганза – «Опал», а Смыка с Сандорой были к табаку равнодушны: Смыка предпочитал солёные тыквенные семечки, а Сандора постоянно грыз сушёные яблоки или сосал изюм. Кое-как разминувшись с огромной баржей, которую вёл по течению тупорылый толкач, «казанка» поравнялась с правым быком, каменной опорой так и не выстроенного ещё перед первой мировой моста. Ганза предложил прикрыться ей от летящего с озера ветра и неприятной боковой волны. И в самом деле, с заветренной стороны речная поверхность почти не волновалась, лишь быстрое течение морщило воду примерно на метр вдоль быка, закручивая по ходу несколько небольших воронок. Пока выбирали место и цепляли якорь, у самой лодки ударила крупная рыба, пуганув стаю мелочи куда-то в сторону прибрежного ивняка.

– Щука, должно? – предположил Питкин.

– А может, и судак, – несколько обогатил фантазию приятеля Сандора. – На быстрине судак любит промышлять. Щука всё больше из засады норовит, из камышей там или кустов. Я потом на блесну попробую, вон пережат впереди, там, говорят, и жерехов брали!

– Вот что, парни, давайте для начала хотя бы пару плотвичек выдернем, – пресёк растущие фантазии приятелей Санька, – а там уж, как получится. Спиннинг, донки. Лично я думаю, что на быстрине лучше ловить на поплавочную удочку с большим грузом. Пускать наживку по течению и, когда груз опустится, подсекать.

– Как на мормышку?! – сообразил Ганза.

– Примерно, – согласился Санька. – Только здесь блёклый червь не годится. Нужен белый опарыш. Я, кстати, пару десятков прихватил у папы Феде, на всякий случай. После этого пацаны забросили донки, а Санька опустил на быстрину сетку с подкормкой – прокисшим хлебом, который тут же принялась вымывать быстрая вода. И в аккурат по ходу этого смыва он стал забрасывать свою снасть. Первые пяток забросов были безрезультатными, но вот шестая или седьмая подсечка закончилась резким рывком и тугим сгибом пластиковой удочки. Бамбук бы треснул, успел подумать Санька и стал проворно отпускать леску, опасаясь обрыва. Так он делал не менее десятка раз: травил – забирал, отпускал – наматывал, пока метрах в десяти ни плеснул серебром плоский контур крупной рыбины. Приятели побросали свои донки и стали дружно советовать:

– Дай ей воздуха глотнуть! – орал возбуждённый Сандора.

– Не отпускай больше, пусть леска остаётся в натяге, – требовал Ганза, – а то соскочит.

– Не соскочит! – не соглашался Питкин. – Судак это, а он, как ёрш, заглатывает намертво.

Когда Санька подвёл рыбину к борту «казанки», Сандора ловко подвёл под неё сак. Уже находясь в нём, рыба всё-таки соскочила с крючка и, оживившись, лихорадочно забила хвостом, но было уже поздно. Пойманная была существенно уже леща, с красными плавниками и вела себя чрезвычайно шустро, почти как окунь.

– Язь! – уверенно заключил Сандора. – Лещ, блин, шире и белее, а этот ещё и с красными плавниками.

– А не голавль? – усомнился Ганза.

– Увы, – отвечал со знанием дела Сандора, – тот ещё уже, с оранжевой чешуёй и рот у него крупнее, почти как у хищника. Да он и есть наполовину хищник: бабочек над водой

срубает влёт и даже стрекозами не брезгует. Но голавль нынче – редкость, он всё больше в лесных речках, где сплошь кувшинки, камыш и насекомые над водой – основной его корм.

– Сандора, и откуда ты всё, блин, знаешь? – с нескрываемым уважением спросил Санька. – Ты, вроде, и из города-то не шибко часто ездешь. У Ганзы вон хоть дача есть...

– А я не люблю в земле ковыряться, – отвечал Сандора. – Я больше по грибы на мотоцикле. Или стреляю на болотах. Ну, это с конца августа, когда птенцы уже на крыле и в весе. Батя мне свой вертикал отдал: по пьяни боится в себя стрельнуть.

– Ну, – стал вновь разливать вино Питкин, – давайте за первую серьёзную рыбину. Она не меньше килограмма будет.

– А я поначалу думал, когда удилище согнулось, что не иначе щука кило на пять зацепилась! – Искренно воскликнул Санька.

– Ты чего на пять?! – Осадил приятеля Сандора. – Она бы тебя без удочки оставила! Упаси Бог от такого крупняка! Самую большую рыбу никогда не поймает, она недостижима... Просто, это язь, а он всегда раза в два или три сильнее дергает, чем реально весит. Я ж говорю, на окуня похож! И в это время катушка у Ганзы, громко затрещав тормозом, стала стремительно разматываться.

– А вот это, – почти с уверенностью сказал Сандора, – точно щука. Она так на жерлицы берёт. Только бы не оборвала, косорылая! И теперь все уже наставляли Ганзу, который и сам уже был не рад, что ему так свезло! Когда к полудню хорошая рыба ушла в глубину, и на крючки полезли сплошь одни сопливые ерши, то есть чистое наказание (их не снять с крючка!), Сандора дал команду править к берегу, где просматривалось сразу несколько костровых мест.

– Давай туда, – указал он на груды ошкуренных слег. – Кажись, дождь собирается, а у меня в рюкзаке – несколько метров целлофана. Смыка с Питкиным – ладить костёр и печь картошку, а мы с Ганзой займёмся шалашом. Туча ещё далеко, успеем! Мотора запускать на сей раз не стали, дошли на вёслах. Шалаш сладили быстро, а вот картошку, чтоб не сжечь, пришлось постоянно переворачивать. Когда она, наконец, стала достаточно мягкой, у Саньки вдоль позвоночника словно кол вставили. Увидев на его лице гримасу боли, Питкин протянул ему очередной стакан:

– На вот микстуры от боли, – голосом училищного фельдшера сказал он страдальцу. – Кстати, так наши пьяницы называют слабенькое сухое вино, которое продают с самого открытия: где с девяти, а где и с восьми часов.

– Как называют, я не понял? – спросил Санька, палкой извлекая из углей почерневшие по бокам корнеплоды.

– Ну, вино это прибалтийское называется «Абули», а мужики, которые вынуждены им головы лечить, зовут его «От боли»! Оба засмеялись и приняли по стакану восемнадцатиградусного «Луча».

– Не надратся бы сегодня! – озабоченно пробормотал Санька. – А то завтра уж точно придётся это «От боли» употреблять. Батька, наверное, весь самогон уже выжрал.

После обеда одна пара курила, а вторая мыла в реке перепачканную закуской посуду. Вино уже во всю гуляло по жилам, и парни, заметно захмелев и разомлев на природе, обменивались разными новыми для себя ощущениями и воспоминаниями. Санька вспомнил, как в восьмом классе он обнаружил на столе у классного Ваньки письмо из кожно-венерологического диспансера, в котором сообщалось, что их одноклассник Лога (Логинов) болен гонореей.

– Ну, мы, конечно, стали все ему завидовать и колоть: как и с кем триппер прихватил? Он и поделился, что якобы возле фонтана девку пьяную втроём сняли. Ну, пожали её, полизали... Она, вроде бы, и дать не против. Спустились в овражек, куртку на траву и давай по очереди! А через пару – тройку дней с конца закапало, но не у всех почему-то, а только у Логи.

– А он которым по счёту на неё залез? – спросил опытный Сандора.

– Последним, вроде, – отвечал неуверенно Санька.

– Ну, тогда, думаю, не от неё он и зацепил. А от кого-то из своих друганов. Они ведь старше и наверняка антибиотиков наглотались, если у них раньше капало. И пошло вот тоже триппер скрывает до поры. Мой старший братуха, когда на побывку из армии приезжал, тоже на одной шмаре словил, но все двенадцать дней керосинил, а поэтому закапало у него только в казарме. Так, в санбате неделю провалялся. Даже рад был, что такая лафа ему из-за этого триппера подфартила!

К этому времени Быки накрыла иссиня-чёрная туча, и где-то за рекой несколько раз сверкнуло. Впрочем, гром был едва слышен, а потому если грозу и ждали, то не раньше, чем через полчаса. В это время Сандора медленно откупоривал ещё одну бутылку вина, Ганза щипал мокрый от измороси щавель, Питкин перекладывал крапивой выловленную рыбу, а Санька просто дремал, выставив под тёплый дождь оголенные до колен ноги, и слушал протяжные крики крупных озёрных чаек, которые, сторонясь быстрой речной воды, как будто жаловались друг дружке на конечность неподвижного озёрного пространства. И шевелились в его сонной голове смелые мысли о далёкой манящей звезде, к которой он будет идти всю свою жизнь.

Но скоро перед Санькой вновь возник полный стакан «Лучистого», и он вдруг отчётливого понял, что в который уже раз пропустил время «Ч», когда организм ещё можно уберечь от пьянства. Он этот временной отрезок уже не улавливал: просто пил, пока наливают. И всё. Как батя становлюсь, засыпая, горько подумал он про себя. В это время на реку упала долго вызревавшая над озером гроза с косым шрапнельным ливнем и нескончаемым кошмаром сплошных молний.

Глава третья

Не успел Санька перейти из учеников в полноценные слесари, как получил повестку из военкомата. Горестно вздохнув, папа Федя побежал в гастроном закупаться для отвальнной, а мама Нина стала хлопотать у плиты. Отец, как и наказывал ему Санька, принёс только водки, вина и квасу. Консервов, конфет, свежего хлеба и фруктов должны были доставить Санькины гости, которые к этому времени уже успели «посетить» гастроном, овощной и пекарню. В назначенный час над входной дверью заверещал старый металлический звонок, и в прихожей сразу стало тесно, шумно и возбуждающе! Разумеется, от пацанов уже наносило свежей выпивкой и каким-то дорогим одеколоном. Пришли с ними и две симпатичных девчушки, одна из которых – Лена – Саньке давно глянулась, и Сандора знал это. Вежливо поздоровавшись с Санькиными родителями, он подвёл Лену к сконфуженному призывнику и плотно прижал их ладони одна к другой. Санька испугался, что Сандора сейчас наверняка изрежет какую-нибудь сальность, но Сандора не стал. Взрослеют парни, подумал Санька, и у всех отсрочки, а меня – на фронт! А, может, и к лучшему? Как говорил покойный тёзка дед Саша: раньше сядешь – раньше выйдешь! Отвальнная запомнилась Саньке тем, что упились и отрубались на сей раз все, совершенно не пьянел папа Федя, который впервые и оставил его дома ночевать с девушкой.

Служил Санька сначала в сержантской учебке в Борисове, а потом – в пригороде Минска Уручье, в артдивизионе Рогачёвской Боевого Красного знамени и т.д. дивизии – командиром САУ-122, «Акации». На батарее, в которую расписала Сашку строевая часть, приняли его плохо, потому что русских в ней почти не было, а хозяйничали западные украинцы, которые даже своих из Харькова за людей не считали. Когда для начала Сашку попытались привести к присяге, то есть настучать ему железной ложкой по пяткам, Сашка снял поясной ремень и со всего маху заехал им по голове сержанту Поначивному. Сержанта унесли в санбат, а Сашку увели на полковую губу, где прапорщик Галяс заставил его снять из-под гимнастёрки имевшийся там у Сашки для сугрева шерстяной вшивник. На губе висел фальшивый градусник, который неизменно показывал 18 градусов, но изо рта губарей с такой же неизменностью вылетал быстро испарявшийся через разбитую форточку парок. От губарей Санька узнал, что полковая губа была любимым детищем начальника штаба гвардии-майора Губаренко, который почти каждый вечер приходил на неё с инспекцией, то есть с бутылкой водки и банкой тушёной говядины или свинины. И пока Галяс хлопотал над столом, Губаренко спрашивал губарей, довольны ли они условиями содержания и советской властью в целом. Причём, отвечать надо было положительно, иначе срок содержания неукоснительно вырастал, хоть это было и не по уставу. Впрочем, и самой гауптвахты полку не полагалось, поскольку она имела как в дивизии, так и в Минском гарнизоне. И там, говорят, сиделось лучше. На третьи сутки сидения у Сашки опухло лицо и набрякли ноги. Галяс вызвал медика, который, скептически глянув на градусник, диагностировал «воспаление почек» по причине переохлаждения. Галяс сильно испугался и, даже не доложив своему собутыльнику начштаба, отправил Саньку всё в тот же санбат, откуда он загремел напрямик в минский солдатский госпиталь, где его тут же положили под капельницу и стали пичкать таблетками и несколько раз на дню колоть в задницу. Через несколько дней опухоль спала, но почки на всю оставшуюся жизнь так и остались его самым слабым местом. Разве что печень составила им с годами вполне достойную конкуренцию.

На сей раз на батарее Саньку встретили гробовым молчанием, а молодые – даже и заметным заискиванием. Так, ефрейтор Яковлюк предложил сала, а наводчик Шинкоренко признался, что на Новый год располагает двумя банками горилки. Поначивный шепнул Саньке в умывальне, что ещё поквитается с ним, но Санька в ответ нарочито громко отвечал хуторянину, что если он, сука, ещё раз откроет свою пасть, то санбатов дело для него уже не кончится. Тот сильно побледнел и больше Саньку как будто даже не замечал. Тут надо заметить, что по

какой-то роковой случайности, все командиры в полку носили украинские фамилии: командовал частью подполковник Рыбак, дивизионом – майор Бухта, батареей – капитан Федорченко, старшиной дивизиона был прапорщик Шитько, старшиной батареи – старшина Роденко. Куда охотнее и легче Санька сходил с азербайджанцами, дагами и ребятами из Азии. Дружился и с белорусами – бульбашами, с одесситами и двоими коренастыми якутами, которые на все армейские реалии смотрели как будто из какого-то далёкого приполярного чума. А вот литовцы держались особняком, словно по негласному уговору: ни мы – вас, ни вы – нас. Литовцы все, как один, водили полковые грузовики – «Газы» и «Уралы», что также укрепляло их полную автономию, то есть обособленное в дивизионе положение. Пораскинув как следует мозгами, Санька взял себе в закадычные друзья двоих кержаков из Якутска и тоже обособился. И было отчего, ибо дедовщина в полку в горбачёвскую пору низвела армию до состояния общего режима российской зоны, которую все уважающие себя зэки именовали не иначе, как «полным беспределом», предпочитая ей усиленный и строгий режимы, где сохранились понятия, тюремная этика, а частично ещё сложившаяся при царе Горохе строгая воровская иерархия. Но зимой их увезли на учения в глухое Полесье, где всем пришлось несладко уже не от дедовщины, а от ничем неограниченного воровства интендантов, офицерского равнодушия и... безжалостного Холода. Он доставал самоходчиков ещё и потому, что почти во всех бронированных машинах не работали керосиновые печки. Их оцинкованные кожухи давно были свинчены привычными к воровству руками и добротнo обогревали офицерские задницы на охоте и рыбалке. Кроме того, до походного солдатского котла не доходило и половины того, что полагалось срочникам по раскладке. Львиную долю консервов, масла и сухофруктов поедали всё те же офицеры и прапоры да продавали в ближние посёлки повара-узбеки. Не раз голодный Санька, оказавшись на своей самоходке в морозном поле, впадал в состояние безысходности. В башне всё было в иное, и в неподвижное, скорчившееся за панорамой тело упрямо ползла со всех сторон мертвящая стылость. А когда он выбирался через люк на воздух, чтобы как-нибудь согреться от движений, со всех сторон на него обрушивались колючие потоки безжалостных январских ветров, которые вновь гнали в замороженное насквозь железо.

Особенно досталось Саньке в оцеплении, когда начались стрельбы. В лютый тридцатиградусный мороз, в нарушение всех уставов и положений, бойцам оцепления даже не выдали полушубков. И валенки Саньке достались тесные, не по ноге, а потому он остался в кирзачах, только поверх портянок ещё и газет наверхтел. Но главная неприятность аукнулась тем, что ожидаемая нарядом смена то ли заблудилась в метели, то ли не была послана вовсе, только Санька и шестеро его насквозь промёрзших товарищей её так и не дождались. Последнее, что увидел Санька своим угасающим взглядом, была необыкновенно яркая голубоватая звезда на востоке – в аккурат там, откуда его сюда зачем-то привезли хитрые, суетливые люди. Хорошо ещё, что по заметённой бураном дороге ехал от своей сельской зазнобы замполит полка майор Лимаров. Заметив на обочине бесформенную грудку чёрных комбезов, он приказал водителю притормозить и... стал расталкивать уже наполовину сонных самоходчиков, которые в ответ только мычали... Слава Богу, у замполита имелась при себе рация, и остывающих солдат успели сначала растереть спиртом, а затем отправить на вертолёт в ближайшую участковую больницу, где ими уже серьёзно занялись врачи. Тем не менее, двое из спасённых остались инвалидами, а у Саньки потом стали гноиться под голенищами ноги и ему разрешили служить в ботинках, а потом и вовсе перевели в штаб – писарем продовольственной службы. И это была уже совсем иная служба, ставшая едва ли не самой памятной страницей в его, в общем-то не слишком яркой и разнообразной жизни.

Санька располагался теперь в казарменной мансарде, в хозяйственном взводе полка. Подъёмов и отбоев здесь никогда не было, поскольку служили хозяйственники по неурочному графику. Повара в основном готовили по ночам, водители комполка и начштаба тоже раньше двух-трёх ночи не появлялись, а про штабных писарей и говорить нечего. Движение команди-

рованных и их продовольственных аттестатов завершалось по документам не ранее двадцати двух часов, после чего Санька только и начинал сбивать свою строевую книгу и лишь потом выписывал продукты для столовой. Словом, приходил он в расположение тоже после полуночи. Однажды часов в семь утра к ним во взвод заглянул какой-то молодой лейтенант с красной повязкой заместителя дежурного по части и гневно спросил у дневального: «Почему не выполняется команда «Подъём!»? Почему бойцы не встают при появлении дежурного?». Дневальный – забитый салага «з-под Ивано-Франковска – ответил в лучших традициях воинства из Гуляй – Поля:

– А они не хОчут!

Санька очень быстро привык к своему особому положению в полку, ибо вокруг него практически вертелись все. Прежде всего, это его персональный командир, начальник продовольственной части капитан Свиньин, который, надо отдать ему должное, никогда и ничего не воровал. За него воровал заместитель командира полка по тылу подполковник Лосев, которому Санька каждый пятничный вечер носил в военный городок, минуя при этом сразу два контрольных забора, говяжьих варезки, сливочное масло и шоколад. Бегал он в столовую и на склад и для комполка, и для начштаба: эти больше посылали за закусью, то есть за мясом и овощами в столовую, и за тушёнкой – на склад. Тушёнку Санька не только открывал, но и аккуратно оборачивал казёнными бланками, что б отцы-командиры, не дай Бог, грубыми солдатскими банками не поранились. Иногда забредали к нему в продчасть и начальники рангом пониже – майоры и капитаны. Эти скромно просили чем-нибудь задавиться: дескать, на выпивку кое-как наскребли, а на закуску – нет! Санька, не скупясь, выделял им из своего сейфа скумбрии, сардин, а то и частичка в томате. Они и этим были довольны. Настоящая нирвана наступала для Саньки летом, когда полк уходил на учения. Народу на территории и в самом штабе почти не было. Санька переставал ходить к себе в расположение и нередко ночевал в стеклянной теплице на раскладушке. Прихлёбывая какую-нибудь «Белую вежу», которую приносил ему – на обмен – знакомый прапор из прикомандированного к полку автобата, Санька зачарованно смотрел в высокое чёрное небо, на котором среди мириад разнокалиберных звёзд он всегда выделял одну, яркую и голубую звезду своей бесконечной жизни. А когда глаза, наконец, уставали, и ракурс обзора автоматически менялся, он не без удовольствия начинал созерцать прямо перед своим носом длинные пахучие огурцы, которыми он белорусские «чарнилы» и закусывал. В это время чёрный Санькин «Океан» насыщал огуречное пространство популярной западной музыкой, или вдруг какой-нибудь местный Виктор Татарский доверительно обращался к минским полуночникам: «Дорогие радиослухачы!..» Если Саньке становилось скучно, он отправлялся в столовую, где всегда признательные ему за сотрудничество узбеки накладывали жареной картошки с селёдкой и солёными же огурцами. Ходил Санька и в самоволку, только по-своему, по, так сказать, вольному варианту. Он передевался на вещевом складе в оставленную «партизанами» (призванными с гражданки на военные сборы) гражданскую одежду, перелезал через забор и садился на автобус до центра Минска. Там он ходил в кино, в республиканский музей или в общежитие технолога – к знакомым девочкам из Гомеля и Гродно. Он всегда угощал их, отощавших от своих синих студенческих котлеток, свежим варёным мясом, мясными и рыбными консервами, отборной гречкой, но особенно белоруски любили шоколад и сгущёнку. Умная Маруся из Колодищ, куда Санька не раз ездил на полковой свинарник, однажды пояснила ему, что, во-первых, шоколад – это витамин счастья, то есть неизменно поднимает настроение и исцеляет от уныния. А во-вторых, он – Бог памяти и стимулятор умственной деятельности, что во время сессии – подарок судьбы. И Санька нередко подкармливал её шоколадом, а она несколько раз отправляла свою соседку по комнате ночевать к подруге, чтобы не мешала им ночью наслаждаться одиночеством. После таких ночей Санька долго не мог придти в себя и засыпал только под «Белую вежу» или «Ерофеича». Раз в квартал они составляли с капитаном отчёты, то есть Санька их составлял, а начпрод развлекал

его рассказами из полковой жизни. Особенно он любил бывальщины про местных прапоров, которые приходили в полк, разочаровавшись в гражданской жизни – и чаще всего по причине непрекращающегося пьянства. В войсках выпивать было куда удобней и презентабельней и даже было чего вынести для домашней кухни, а то и гардероба. И, тем не менее, даже в таких тепличных для небольшого ума людей условиях, иные прапорщики умудрялись попадаться на воровстве, особенно в поле, куда они выезжали с отдельными батальонами и ротами в качестве кормильцев. Как-то проверив деятельность одного такого «кормильца» по арифмометру, капитан сказал практически без всякой иронии:

– Ну, что, Морозевич, веди в часть корову. У тебя двести кило говяжьей тушёнки не достаёт! И что удивительно, на следующее утро Свиныну позвонили с КПП и срочно позвали на выход. Свинын вышел, благо и было то от штаба до КПП не более сотни метров. Миновав дежурного, он увидел возле полковых ворот Морозевича с бурёнкой на поводу. Когда корова гордо вышагивала по центральной аллее полка, все идущие ей навстречу отдавали честь и валились на газон, давясь от хохота. Больше всего из документов упитанный капитан Свинын любил толстую книгу «Свины», к которым он имел непреодолимую слабость. Вторая по приятельности называлась «Годовой план случек и опоросов». Особенно долго они корпели над папкой с актами о падеже животных, в коих постоянными членами комиссии значились сам Свинын, прапорщик продсклада и начпрод дивизии. Санька прекрасно понимал, что никакие свины в полку и дивизии наверняка не подышали, поскольку пищевых отходов в части было девать некуда! И свинарники в подсобном хозяйстве им выстроили теплее городских квартир, но... начпрод дивизии был большим жизнелюбом и бабником, и полковая свинина ему порой была просто необходима! Вообще, в армии всё было много выпуклее и ярче, чем на гражданке.

Даже последний свой армейский Новый год Санька встретил не как все, а ... под казармой, в мастерской одного из чеканщиков начальника штаба. Дело в том, что в полку служило много дагестанцев, мастеров по работе с металлом. Их и забирали к себе ушлые командиры, доставали им медные пластины, инструмент и заставляли вместо строевой изготавливать разные модные чеканки, которые легко обменивались на иные блага эпохи развитого социализма. Делали в полку и маски из глины и неплохо резали по дереву. Так вот, в мастерскую эту бойцы плыли по казарменному подвалу на плоту. А когда пристали к противоположному берегу, сверху в стене отворилась железная дверь и под ноги прибывшим упал яркий лучик света. В мастерской было всё: вино, закуска, музыка. А потом, уже после полуночи, Санька позвонил своей Марусе в Колодищи, и она примчалась к нему на такси. Поставив разведчикам бомбу «Белой вежи», Санька перетащил Марусю через забор, после чего они через окно залезли к нему в продчасть. Провожал он её уже на рассвете, когда на макушках исполинских сосен поблескивали первые светляки привета из родной России.

... когда Санька получил на руки выходные документы и собрал дембельский чемодан, капитан Свинын проводил его до КПП, стукнул озорно в плечо с круто выгнутым погоном и, смахнув таки невольную слезу, вместо разной принятой в таких случаях высокопарной дребедени сказал с грустью:

– Ты, Смыков, и на гражданке помни, что главное в нашей грешной жизни – это плотная пайка и чистые тусы! И звезда над горизонтом, – про себя добавил Санька, повернувшись к полку спиной и вдруг различив перед собой дымку родной стороны.

Глава четвёртая

... Первую неделю после возвращения из Белоруссии Санька находился в полной про­страции, положительно не зная, что он теперь будет делать. «Лучше бы на полигонах мёрз, – корил он себя и провиденье, – там, по крайней мере, больше бы о доме думал да планы разные про жизнь на гражданке строил. А теперь после Минска и девочек – в грязный цех под ярмо тупого мастака? Не, надо что-то другое, поинтеллигентней искать. Да и на завод его особо никто не звал, ибо времена изменились, производство падало и всё явственней пахло забастовками и нуждой. Всяк стал думать лишь о самом себе и только ленивый не честил Горбача ещё больше, чем Лёху Брежнева. Папа Федя стал получать пенсию, но работу не бросил, более того, страшно боялся её потерять. И вообще, он за эти пару лет сильно изменился, утратив и свой задорный критицизм, и присущую ему по жизни веру, что «завтра будет лучше, чем вчера», а самое главное, вернувшийся «с фронта» Санька отчётливо почувствовал, что они с папой Федей теперь поменялись местами: уже в первые дни после дембеля отец нередко обращался к сыну за советами и просто поддержкой, а однажды расплакался у него на плече, жалуясь на несправедливость в конторе, где его прежде уважали. Мама Нина тоже по-прежнему работала учителем в тюремной школе и не раз замечала Саньке, что зэк нынче тоже не тот пошёл. Поскольку всех Санькиных друзей – кого раньше, кого позже – загребли в армию, он отмечал своё возвращение, в основном, с папой Федей, с досадой замечая, что по части выпивки он теперь даст отцу сто очков вперёд. Но главное, он никак не мог, как обещал, хоть что-нибудь написать Марусе. Нет, он пытался, честно садился за стол, брал тетрадку для писем и даже надписал конверт, но кроме «дорогая Маруся!», у него ничего больше не выписывалось. «А что я ей собственно напишу? – спрашивал он себя. – Что люблю и вспоминаю? А зачем, если в ближайшее время всё равно не окажемся вместе? Она в белорусском университете учится, а я, слесарюга, и пока ещё безработный, в России водку пью. Честнее не обнадеживать и не тормозить девку! Пусть её живёт без напряжения и оглядки. В Минске парней много, её же круга. Небось, одна не останется». После таких откровенных признаний самому себе Саньке становилось горько и неудобно, словно нутро его, согласно некоей верховной Воле, переселялось в иную, предназначенную вовсе не ему оболочку. Тогда он, зябко подёргивая плечами, обречённо брёл в гастроном, покупал для начала «чекушку» и, только выпив дважды по полстакана, на время возвращал этот самый вдруг утраченный уют. Через час – другой неприятное ощущение начинало возвращаться, и он лечился от него снова и снова. По возвращении из Белоруссии он стал часто задумываться о том, а почему он так чурается Маруси? Откуда появилась эта трещина между такими, как она, и такими, как он? Ведь ей было всегда так хорошо с ним, и не только в постели, но и под этими памятными соснами, и на берегу Нежданного озера, в котором они купались голыми под луной, и в Республиканском зоосаде, где она читала ему какую-то странную и притягательную книгу про полесские болота и населяющих распадки духов, про непресекаемую любовь сословно неравных людей и про долетевшую до новых времён дикую охоту короля Стаха... И тогда он вдруг начинал понимать, что отгадка кроется где-то там, в его помойном детстве, откуда, как известно, мы все исходим. И тогда он торопил сны, которые в последнее время уносили его далеко назад.

... Саньке приснилась одна из местных помоек – та, на слоистых буграх которой они с Сандорой любили играть в геологов-разведчиков. А любили оттого, что на помойке водилось абсолютно всё: от пропавших овощей и фруктов до перегоревшей электротехники и медных трубок, из которых дворовые пацаны запросто мастерили себе самострелы, которые заряжали спичечной серой и рублеными гвоздями. Копаясь по привычке в каком-нибудь испорченном агрегате или закручивая из горючей плёнки и алюминиевой фольги ракету, они ни единожды с удовольствием наблюдали, как с городского проулка съезжает к помойке очередная пере-

груженная «мусорка» и бесцеремонно валит из своего чёрного зева всё, что успели снести в неё жители соседних городских кварталов и завхозы некоторых окрестных школ, техникумов, рабочие столовых и ЖЭКов. Когда кое-как опорожнившийся «газон» убирался восвояси, пацаны отмечали, что их владения на метр – другой увеличились, а, стало быть, и они сами, как хозяева, прибавили в весе. Но вот дальше сон пошёл по другой колее, всколыхнув детскую Санькину привязанность к научной фантастике и всему мистическому. Помойка вскоре стала расти в геометрической прогрессии: мусорных машин – откуда ни возьмись – начало приезжать сначала в десять, а затем и в сто раз больше. И вскоре они завалили отходами сначала Вал, затем – район, а потом – и весь Город. Санькина семья к этому времени жила уже не в квартире, а в каком-то старом чёрно-белом невероятных размеров телевизоре «Рекорд». Вскоре помойка достигла Москвы и, поглотив её, беспрепятственно потекла к границам Отечества. Когда же под её неукротимым, как первая конная, наступлением капитулировали все наши крупные соседи в Европе и Азии, она, под воздействием внешних гравитационных сил, отделилась от Земли и стала её вторым естественным спутником. Словом, Земля вполне уподобилась Марсу, имевшему Фобос и Деймос. А тут – Луна и Помойка. Однако, в отличие от давно успокоившихся спутников красного Марса, внезапно появившийся спутник голубой Земли – за счёт космического мусора и части астероидов – продолжал увеличиваться в размерах и соответственно – в массе. Наконец, закономерно перевесив Землю, Помойка изменила её гравитационное взаимодействие с Солнцем и Юпитером и заставила вращаться вокруг себя. Осознав весь этот ужас, Санька проснулся с больной головой, в поту и скомканной простыне. Вместе с уходящим сном из него исчезали и прежние сомнения, а на их месте надёжно утверждалось понимание в общем-то самой простой общечеловеческой истины: каждому – своё. Марусе – высшее образование, интересная работа, заботливый умный муж, семейный уют, а ему – Помойка, как в прямом, так и в переносном смысле, потому что хроническое пьянство, которое уже стало его уделом – это ведь тоже помойка с ежеутренней животной страстью опохмелиться. Всё остальное – вторично и даже, если уж быть честным перед собою до конца, второстепенно. Санька устало глянул на часы и понял, что если принять душ, позавтракать и не торопясь одеться, то минут через пятнадцать откроется винный отдел. А после этого безобразного сна и последовавших за ним тягостных раздумий без выпивки было не обойтись. Может, перетерпеть? – сверкнула мысль. А зачем? – усомнилась другая. И Санька пошлёпал в душ, параллельно заметив на кухонном столе стакан с тёмной жидкостью. Растерев тело досуха большим баннным полотенцем, Санька пригладил щёткой свои жёсткие смоляные волосы и голым (отца с матерью не было дома) двинулся на кухню. В стакане было вино! Он приоткрыл дверку холодильника. Прямо перед ним, на самом видном месте стояла откупоренная бомба дешёвого портвейна. Стало быть, папа Федя заметил его вчерашнее непривычно тревожное состояние и решил «замять тему». Увы, – подумал с грустью и некоторой жалостью Санька, – не хочется отцу терять самого надёжного союзника в своих питейных делах: вернулся я солдатом, а уже через месяц стал собутыльником! И, наверное, устроился бы Санька в какую-либо фирму или кооператив, ибо был от природы рукаст, но как-то в вечеру забрёл к нему его старинный приятель-студент Рыка и, махнув стакан за Санькино возвращенье, позвал на июль – август в строить жилые домишки для тамошних покорителей солончаковых степей. Саньке такое предложение в его теперешнем состоянии было, что твой сон в руку! И он поехал с Рыкой в университет – проходить медкомиссию и оформляться. Университетский врач, заглянув в свежий Санькин военный билет, даже осматривать его не стал, а тут же переадресовал в деканат, где лысоватый декан, похлопав Саньку по гулко отзывавшейся спине, только и сказал с удовольствием:

– Молодец, Рыков, что такого молодца нам сыскал. Вот попривыкнет к студенческому духу, глядишь, и на подготовительные курсы к нам придёт. Нам парней на факультете не хватает! Рыков, если найдёшь ещё кого, получишь у меня автомат за первый семестр! Рыков благодарно кивнул и с надеждой посмотрел на Саньку.

– Я бы рад, – виновато отвечал Санька, – только пока я служил, всех моих друзей подчистую тоже загребли в войска. И Рыков виновато повесил голову на грудь.

Глава пятая

Ещё на перроне городского вокзала Рыка познакомил Саньку со своими сверстниками, которые, удачно сдав сессию, теперь отправлялись в далёкий степной край не столько за новыми ощущениями, сколько за очень приличными заработками. Романтика семидесятых за последние годы как-то незаметно рассосалась, и стройотрядовцы новой волны, не стесняясь и даже с некоторым вызовом, согласно выводили под тандем хорошо настроенных шестиструнок: «А мы едем, а мы едем за деньгами. За туманами пусть едут дураки!». Саньке его новые «сослуживцы» очень понравились, особенно стремительная Жанна с иныза, чумные глаза которой, казалось, обещали ему райские удовольствия на берегах мифической реки, в которой якобы утонул сам Чапаев. Впрочем, Санька вскоре услышал от русского инженера, который много лет орошал одну из местных низин, что Чапаев вовсе не утопленник, а одна из многочисленных жертв красного террора. Якобы его за анархизм арестовали чекисты, а потом без суда и следствия расстреляли вместе с сотней других командиров и комиссаров. А Фурманову просто повезло, что он во время успел смазать из расформированной дивизии пятки. На место же Чапаева Троцкий прислал какую-то сволочь, приехавшую с Лениным из Германии в 1917-ом, которая очень скоро перебежала к Колчаку и затерялась где-то на границе с Китаем.

Ехали в сторону Гурьева чрезвычайно весело. До Ульяновска Санька резался со студентами в козла и тысячу, а на ульяновском перроне им с Рыкой удалось добыть несколько бутылок «Симбирского». Поэтому вплоть до Южного Урала они регулярно ходили в туалет, где по очереди опрокидывали стакан за стаканом, пока их ни сморило, и они ни залезли на свои верхние полки. Первое, что увидел Санька по утрам, был чрезвычайно грязный край подушки, торчавший в полуоткрытую форточку. А за окном, насколько хватало глаз, лежала ровная, как стол, степь, с которой в сторону поезда равнодушно глазели диковинные верблюды, время от времени щипавшие какую-то низкую невнятную поросль. На зубах скрипел песок, а нёбо горчило то ли полынью, то ли вчерашним симбирским напитком, чёрт его дери! Заботливый Рыка протянул Саньке фляжку с кисловатым морсом, и это стало для последнего настоящим праздником пищевода. Но ещё большую радость принесла Рыкина весть о том, что минут через десять им предстоит смена локомотива и соответственно длительная стоянка, во время которой командир отряда разрешил с полчаса погулять, купить на узловой чего-нибудь попить – поесть, даже небольшой аванс предложил нуждающимся. Глаза у Саньки хищно блеснули, он глянул на Рыку с надеждой:

– Ты как? Мне, знаешь неловко просить, меня не знают, я – не студент! Может, сообразим взаимнообразно?

– Да, нет проблем! – С готовностью отвечал двухметровый Рыка. – Знаешь, у меня из-за моего роста вино дошло до мозга только к ночи. Так что я себя чувствую ещё хуже, чем ты. Одевайся, однако, да полегче, а то за бортом выше тридцати! И через десять минут они первыми соскочили с подножки на оплавленный чёрный асфальт перрона. Вина они нашли на вокзальной площади у торговавшего вишней казаха. Хитро подмигнув, он достал из прикрытой цветным платком корзины три бутылки, заткнутых самодельными деревянными пробками.

– Не отравимся? – спросил осторожный Рыка. На это казах лишь отрицательно завертел головой, одновременно прикладывая руку к сердцу, что очевидно говорило о том, что он не врёт.

– Ладно, проверим! – протянул две свёрнутые купюры Рыка, а Санька принял у степняка пропылённые поллитры с неизвестным напитком.

– По цене – довольно прилично! – рассуждал Рыка, шагая к перрону. – Как наш самогон.

– А что тут гадать? – предложил Санька. – Давай по паре глотков залудим! И все дела. Вместо ответа Рыка осторожно принял одну из бутылок и, обхватив пробку зубами, потянул её на себя. После характерного звука в нос собутыльникам ударило каким-то неведомым духом.

– Ханша что ли? – словно спросил у кого-то Рыка.

– Чо за ханша? – поинтересовался Санька и, не дожидаясь ответа, приник к горлышку. Напиток был столь крепок, что у него брызнули слёзы, а вместо внятных слов он лишь что-то простужено сипел. Наконец, прокашлявшись, выговорил:

– Не знаю я, что такое ханша, но очень похоже на хохляцкую горилку из абрикосов. Такое же кислое пойло, крепкое, правда и блевать с него из-за этой кислотности не тянет. Выслушав Саньку, Рыка сообщил, что лучше немного потерпит и снимет пробу «через стакан», а то не сжечь бы горло... Санька, согласно кивнув, заткнул бутылку и отправил её в просторный карман форменных брюк. А в это время головная боль стала медленно, но верно отступать, а где-то под кадыком просыпался здоровый мужской аппетит.

– Рыка, пошли пирожков купим? – предложил он ещё больному студенту.

– Если ты проголодался, пошли, – вяло отреагировал тот. – А мне... а я, боюсь как бы всё назад не полезло. Санька остановился и, решительно достав и откупорив «ханшу», ультимативно заявил:

– Или ты, блин, лечишься ей, или вставляй два пальца! А то ходишь, как в воду опущенный, и меня своим состоянием совсем забодал! Делай, как я, студент! И Рыка сделал. Некоторое время он стоял с таким выражением на лице, словно только что было официально объявлено, что награждение его Звездой Героя Социалистического труда было ошибкой. Некоторое время Санька думал, что ханша Рыке всё-таки не привьётся, и он даже попытался развернуть тяжёлого студента задницей к вокзалу. Но тот, выдержав минутную паузу, во время которой ни разу не переводил дыхания, вдруг неожиданно высморкался, после чего задышал легко и даже с видимым удовольствием. Ханша явно привилась, тем самым доказав собутыльникам свою полную алкогольную легитимность. Остаток пути до места они провели довольно весело, но и осторожно, не желая привлекать к себе особого внимания: всё же ещё на перроне родного города, перед самой посадкой, был официально объявлен «сухой закон».

Несомненной отрадой для изнывающих на степном зное стройотрядовцев была полноводная стремительная река с тёплой спокойной заводью возле берега, в которой иссечённые солёными песками студенты купались по нескольку раз на дню. Санька повадился к заводи по утрам, когда ужасно не хотелось вставать из-за ломоты во всём не привыкшем к постоянному труду теле. Вдосталь поплавав и поныряв, он возвращался к своему спальному барaku совершенно здоровым и вполне отдохнувшим человеком. Если вечером, после работы, он, тем не менее, принимал на грудь, то утреннее купанье становилось просто необходимым, потому что работать с похмелья на казахстанской жаре равнялось самоубийству. Однако, после двух тепловых ударов, случившихся в отряде, его опытный командир Птичкин предложил бойцам перекроить рабочий график: вставать с рассветом, чтобы уходить на обед вместе с наплывов зноя, то есть в двенадцать. Отдыхать два с половиной часа с тем, чтобы к трём, когда зной начинает ослабевать, возвращаться на своё рабочее место и работать затем до сумерек, то есть примерно до 20 часов. Словом, получается вполне приличный десятичасовой рабочий день почти без риска быть поджаренным на полуденном солнце. Саньку подъём в шесть не устраивал из-за его утренних купаний, но тут уж ничего не поделаешь! Пришлось вставать ещё раньше, но вскоре его размеренный график непредвиденно нарушился. Это произошло по причине простоев, которые стали случаться из-за разных задержек: то кирпича во время не подвезут, то цемента. И приехавший за длинным рублём Санька стал искать работу на стороне, что оказалось вовсе не сложно. И вскоре они с Рыкой занялись уборными, которых требовалось рас- тущему посёлку невероятное количество. Уборные было принято строить из досок, которых в степи не хватало, и калымщики стали отщипывать тёс от неучтённых отрядных запасов.

– Всё равно, больше половины освоить не успеем, – оправдывался для очистки совести Рыка. – Всё этим бездельникам узкоглазым останется. Тут Рыка, конечно, несколько кривил душой, поскольку местные ленивые казахи в строительстве не участвовали, оставляя эти заботы заезжим армянам и местным украинцам и русским. Но что верно – то верно: редкий ССО полностью осваивал то, что ему привозили по предварительному заказу. Впрочем, возведение уборной начиналось с земляной эпопеи, то есть с копки и долбления в жёсткой и местами каменистой казахской земле огромной выгребной ямы. И это был самый трудоёмкий, самый неприятный участок работы, доводивший копателей до полного изнурения. Подумав, они стали копать на вечернем холодке, а днём подгонять доски и обстругивать стояки и перемычки. Вечером, измочаленные суровой копкой, они брали в сельмаге бутылку – другую «Южного», банные полотенца, свежие майки, трусы и шли к Уралу. Здесь очень скоро Санька наловчился совершать символические заплывы в Европу: то есть из Азии, где они работали и жили, на другой берег реки, где начиналась европейская часть материка. Случайно пронохавший об этом комиссар отряда Рома Лифшиц предложил Саньке с Рыкой организовать такой заплыв в массовом порядке с целью укрепления дружеских связей Казахстана и России. Были приглашены местные спортсмены и фотокор районной газеты. Спортсмены до Европы не доплыли, поскольку оказались шахматистами и крепко выпили с бойцом Смыковым перед стартом, а удачно переправившийся на другой берег Санька пьяным голосом заорал оттуда, что навсегда остаётся в Европе. Чтобы не случилось континентального скандала, вернуться его уговорил тоже европеец, председатель местного немецкого колхоза Герой Социалистического труда Герман Гесс. После этого Санька стал частым гостем соседнего с Железинкой богатого немецкого села, где не просыхал от сидра и повышенного внимания миловидной немецкой вдовушки Розы, муж которой не вернулся из туристической поездки в Германию. Наконец-то жизнь повернулась к Саньке лицом, и он даже подумывал: а не остаться ли в этих степях на год – другой немецким бургером? Сидра у немки было несколько кадок, ещё с прошлых годов, а самогону он легко нагонит сам: сырьё окрест поспело не меряно! Но когда в отряде было устроено прощальное с Казахстаном застолье, сердце Саньки дрогнуло. Он долго танцевал с заметно исхудавшими студентками, а потом Жанна увела его в степь, где всё и решилось. Это было как глоток насыщенного озоном воздуха, когда ты спешишь сосняком, силясь успеть к началу уже валящейся на родное село грозы. Темпераментная, заводная Жанна до крови исцарапала ему спину и до сини исцеловала шею и грудь, и он, вдруг ощутив знакомый дорожный гул, поднялся над её крепким, красивым телом и упёрся взглядом в непреодолимое, манящее свечение своей синей звезды... и она смотрела на него с Запада.

Глава шестая

Бойцы ССО сошли на перрон родного вокзала в конце августа. Им всем – о счастье! – полагался месяц отдыха в то время, как остальные собирали сумки в колхоз на картошку. Несколько дней Санька зависал в студенческой общаге: то угощал Жанну сухим вином и фруктами, то по поводу и без повода пил с Рыкой кубинский ром, то учил любознательных студентов играть в буру, секу и даже преф. Но скоро его приятели по ССО разъехались по своим городам и весям, чтобы проведать родных и знакомых, и Санька затосковал. К тому же тоску эту сильно умножила Жанна, которая, уезжая к себе в Подмоскowie, вежливо попросила не писать ей, потому что де всё самое хорошее меж ними случилось, и лучшего уже не будет. А когда Санька попробовал ей не поверить, то она нарочито спокойно и сухо сообщила ему, что есть у неё там, в Воскресенске что ли, некий выгодный жених, которого хотели выдать за неё его состоятельные родители. «Не обижайся! – попросила она на прощанье. – Ты, по мужским меркам, ещё совсем молод. А мне в мои двадцать два уже пора определяться с выбором. Мы очень быстро стареем и начинаем по этому поводу страшно переживать. Знаешь, я до сыта насмотрелась на свою одинокую маму, которая до тридцати лет не могла выбрать. А я так не хочу. В лучшем случае, переживать надо за своих детей и нечаянные размолвки с любовниками». Санька в ответ мудро промолчал, но в душе его бушевал пожар! Зачем она вообще попросила меня об этом, если я в принципе никогда никому не писал, даже из армии? Хотела уколоть или даже унизить? Но за что? Ведь она сама хотела этого секса в степи и именно со мной? Да, пожалуй, я зря не написал Марусе, которой бы и в голову ничего подобного никогда не пришло! Наверное, надо было без всякого там благородного молчания послать эту Жанну по нашим понятиям и назвать соответствующим словом. Пусть бы подумала на досуге – что она за сука есть, и какие у таких женщин бывают, в натуре, семьи! Ладно, надо намотать на ус и в дальнейшем глядеть с этими бабами в оба! И всё-таки Санька откровенно страдал, не умея ни избавиться от памяти об этой степной ночи, ни от той, ранее не посещавшей его душевной боли, которую не вылечить ни картами, ни сексом со знакомой продавщицей, ни водкой. И всё же он напился, ибо это был самый лёгкий путь к забытью. И опять у него по утру стучало в висках, и печёнка поднималась как на дрожжах, и уязвлённое самолюбие не реагировало на железные доводы житейской логики: Жанна – не женщина твоей мечты, а просто одна из партнёров по сексу, случайно подвернувшаяся нимфоманка. Санька позвал гремевшего посудой отца, который, видимо, только что накормил ушедшую на работу маму Нину:

– Пап, дай чего попить? Что-то нехорошо мне... Появившийся в проёме папа Федя полюбопытствовал с участливой улыбкой:

– Что, свою забыть не можешь?

– А откуда ты взял? – выразил отцу полное недоумение Смыков – младший. – Я, вроде, про баб своих не базарил?

– Ты про себя, во сне базарил, – внёс полную ясность папа Федя. – Видно, здорово она тебя зацепила, шалава, раз ты её трёхэтажным крыл! Красивая хоть баба-то?

– Не то слово, бать, – отвечал сын, сокрушённо хватаясь за голову. – Я и был то с нею всего раз, а так достала, что хоть в петлю. У меня ведь там симпатичная женщина появилась, немка-хуторянка. Я даже жениться на ней думал и заняться её большим хозяйством, торговлей, магазинчик бы в Железинке завёл. Она меня, в отличие от этой, как ты говоришь шалавы, любила и всегда была со мной ласкова. А какие у неё перины! Я в них тонул просто. И, знаешь, она меня сама мыла, вытирала махровым полотенцем, а потом приносила мне на диван холодного сидра.

– Дурак ты, Санька! – С чувством сказал отец. – Таких женщин нынче днём с огнём не сыщешь! А этих подстилок вон... раком до Москвы не переставишь! Женился бы, и я бы к тебе приезжал, по хозяйству там подсобить, баньку истопить... Банька у неё есть?

– А то. Да какая! – С гордостью, как о своей собственности, отвечал Санька. – Можно каждый день тёплый душ принимать. И теплицы у неё классные, и пруд во дворе в камне, и двор тёплый, а в нём... кого только нет! И коровы, и овцы, и свинья, и птицы разной – до сотни штук! Она даже не считает, потому как там у всех – целые стада да стаи!

– А, может, ещё не поздно? – с мелькнувшей вдруг надеждой дрогнувшим голосом спросил папа Федя. – Может, напишешь ей, сына? Так, мол, и так. Вернулся вот домой и всё никак не могу тебя забыть! Я не из-за хозяйства её, пойми. Просто, в молодости сам мимо хороших женщин прошёл, всё ожидая чего-то особенного. А ничего особенного просто не бывает. Вернее, бывает, но вот так бессмысленно и больно, как с твоей Жанной.

– Это как с самой большой рыбой, которую никогда не поймает! – Вспоминая Сандору с Питкиным и Ганзой, сказал задумчиво Санька.

– Очень точно сказано! – согласился папа Федя. – И на кой она нам сдалась, эта самая большая, которая всю снасть испортит? Рыба должна быть по ловцу. А самая большая пусть плещется себе до поры. Её браконьер острогой загарпунит.

– Отец, а зачем писать да ждать потом, пока письмо туда – сюда? – Решительно поднялся с постели Санька. – А мы сейчас позвоним. У меня в записной и телефон её есть. Сейчас наберём или закажем на вечер, если где-то по делам елозит... И оба на пару ринулись к старомодному аппарату, висящему, как в Смольном, на стене. Соединение, к Санькиному удивлению, произошло уже после третьего набора. Но вот к телефону долго не подходили. И когда раздосадованный Санька уже собрался положить трубку, в динамике сухо щёлкнуло и зафонило, как это бывает при грубо поставленной прослушке.

– Алё! – полным радостной надежды голосом заорал Санька. – Роза, алё! Это Александр из России. Далее папа Федя увидел, как всего через четверть минуты лицо сына стало буквально гаснуть и сереть. Наконец, Санька медленно, как в замедленном кино, положил трубку на рычаг и довольно долго не отнимал от неё руку, словно раздумывая, а не позвонить ли по новой.

– Что случилось? – с каким-то виноватым испугом спросил папа Федя. – Послала? Уехала? Что?

– Уехала, – упавшим голосом ответил сын и зло улыбнулся. – Уехала... в страну печального вечера. И папа Федя тут же вспомнил, что в их любимых с сыном фильмах про индейцев так называли безвременную кончину близких людей: она, он или они уехали в Страну Печального Вечера, то есть нашли пристанище в стране мёртвых, умерли.

– Она, что умерла? – с недоверием спросил он сына. – Но этого не может быть! Она же молодая, здоровая, богатая, наконец! Да, и никакие болезни так быстро не убивают... Речь папы Феди замедлилась, словно он стал о чём-то догадываться.

– Её брат сказал, что она утонула в Урале, – глядя на отца пустыми глазами, сказал Санька. – А ведь она никогда не купалась в реке, даже если мы вместе ходили на берег. Она и плавать то, по-моему, не умела.

– Ты думаешь? У вас настолько серьёзно? – встрепнулся папа Федя.

– Думаю, батя, – отсутствующим голосом отвечал Санька. – И думать об этом куда горше, чем обо всех этих Жанниних признаниях, которым цена полкопейки в престольный день! Может, сорвалась с берега? Там есть обрывистые берега, под которыми буквально бурлит. Или столкнул кто из местных: были у неё там воздыхатели. Один мутный грек её сватал, а она всё отказывала. Думаю, из-за меня. А я уехал, даже не простившись. Считал, что так будет легче... обоим. Так что, батя, опоздал ты со своим советом, да и вообще советовать таким недоумкам, как я, – пустое дело! Есть чего-нибудь выпить? Отец молча достал из холодильника запо-

тевшую поллитру перцовки, свернул красную головку, разлил по стаканам. Перцовка обожгла горло, но облегчения не принесла. Выпили ещё.

– Батя, давай к реке ходим, – сквозь слёзы проговорил Санька. – Она очень любила с откоса смотреть на воду. Я по дороге ещё выпить зацеплю, а ты положи что-нибудь в пакет – на закусь. Сидели они на берегу до самых сумерек, когда по почерневшей водной поверхности побежала к горизонту ломаная дорожка огоньков, а где-то на другой стороне запыхтел зем – снаряд, углублявший обмелевший пирс для швартовки барж. Мужчины говорили о чём-то постороннем, не имевшем ровно никакого отношения к их нынешней жизни и тому душевному разладу, в котором вдруг оказались. Оба. Когда последний клин заката скользнул по краям монастырских куполов, папа Федя разлил остатки и трезво сказал в темень:

– Пора тебе, Санька, на работу устраиваться, иначе доконаешь себя этими раздумьями! И чтоб упираться хорошенько, потеть. Тогда очень скоро всё уйдёт само собой. Усталому человеку не до самоедства, ему бы поесть побольше, а отдохнуть подольше. А там дальше – поглядим по настроению. Какие твои годы? А насчёт женщин, думаю, не прав я. У всех всё по-разному, думаю, тебе подфартит не так, как мне. Но по возвращении домой Саньку вновь посетила чёрная ностальгия, и он вприпрыжку побежал к дежурному магазину.

Глава седьмая

Примерно через неделю Санька вышел на балкон поливать цветы, но почти все они уже завяли, кроме разноцветных астр, которые мама Нина неизменно высаживала вот уж лет десять. Санька приложил к астрам нос, но кроме наступившей осени, ничего не почувствовал. Во дворе тоже распорядилась осень – и не только на клумбах да в кучах лип и клёнов, но и асфальт даже стал какого-то жёлтого цвета. В летний зной – и это Санька помнил отчётливо – асфальт был чернее дёгтя. Под балконом выясняли отношения два кота: крупный и ухоженный чёрный и облезлый рыжий. Рыжий, как всегда, брал верх. Не зря все звали его Крысом и щедро подкармливали рыбой и колбасой. Дешёвую колбасу Крыс лишь обнюхивал, а рыбу ел любую. Санька метнул вниз маленькую тушку минтая: чёрный испуганно юркнул под дом, а рыжий лишь отпрянул на пару метров и стал осторожно возвращаться, непрерывно нюхая воздух. Когда Крыс доел рыбу, Санька подумал, что и по кошкам он, наверное, во дворе первый. И пусть чёрный породистее и ухоженней, кошки благоволят к настойчивым и нахальным. Как и женщины! И будь я проще и без претензий, этой Жанне и в голову никогда бы не пришло так заноситься и учить меня жизни. Ещё, наверное, и сама бы помучалась неизвестностью, голову бы поломала, поревновала. А так, женский голод свой со мной уняла, самолюбие – тоже, и понеслась дальше без страха и упрёка, как, судя по её опытности, поступала и до меня. И много таких хищниц вокруг! Наверное, большая часть красивых женщин. Впрочем, может у неё и инстинкт самосохранения сработал? Она же видела, что я многовато пью. А нынче это для умной бабы, что твоя красная тряпка! Папа Федя говорил, что по статистике больше половины браков сегодня кончаются разводами и две трети из них – из-за пьянки супруга. Тут надо выбирать: или пытаться завязывать, или не жениться вовсе? Санька, не глядя, сплюнул за балконную решётку и попал точно жирной соседке Зине на розовый капор, который она непонятно зачем надела в столь тёплую сентябрьскую погоду. Зина стала тревожно вертеться, как подбитая германская танкетка, а Санька от греха переполз через порожек в комнату. И в это время непривычно низко затарахтел телефон. Очевидно, папа Федя, мучимый с похмелья высокими нотами, вылечил ему «педерастический» голос. Звонил недавно вернувшийся со строгача Быка, уже дважды отбывавший за квартирные кражи и хулиганку. Впрочем, и разбой, и кражи были на нём так себе, наполовину «накрученные», потому как из ложной бравады взял на себя чужое. Наскоро проговорив обычные в таких случаях «Как дела?», «Как отец с матерью?», Быка предложил съездить в Питер на заработки. Сказал, что якобы с ним сидел кореш, у которого в северной столице своё дело, и притом не пустяшное, а целое товарно-транспортное агентство. И поскольку Быка якобы спас его от верной смерти, кореш этот звал его в Ленинград на работу, обещая со временем прописку и даже жильё.

– Ну, это так, для полноты ощущений и серьёзности намерений! – Резюмировал Быка. – Главное, бабки неплохие снимем, а потом сам будешь решать: возвращаться в Город или в городе белых ночей обосновываться.

– Предложение, конечно, заманчивое, – как можно равнодушной отвечал Санька, – только я – то тут причём? Ты его спасал – тебе и карты в руки. А я, как говорится, не вор в законе, ему на кой хрен сдался? У него там, наверное, и своих, питерских, хватает, с которыми геморроя меньше.

– А вот в этом ты, Смыка, не прав! – категорично отрезал Быка. – Они там все облепились до упора. Работать отвыкли, а живут либо на перепродажах таким, как мы с тобой, либо на посредничестве, либо на сдаче жилья, либо... ну, ты и сам знаешь: наркота, проституция, переуступка долгов, рэкет и тому подобное. А мы с тобой – обещая, всё по закону. Меня, брат, на шконку тюремную больше не тянет, тем более, что нынче можно прилично жить и без заморочек с Законом. Короче, он приглашал и не против, если приеду с корешем. Ему не

помешает, а даже наоборот. Давай попробуем, а если не впишемся, то получим, что заработали, и съдёрнем. У нас с ним и на эту тему базар был. Он же понимает, что Питер или та же Москва не всем на нутро лягут. Ну, как ты?

– Если честно, Бык, я после армии тут загулял немного и вот в аккурат собирался устраиваться. – Признался Санька. – Поэтому можно, конечно, попробовать. Опять же, время пришло такое, что все вокруг шмыгают как крысы, суется и всё такое...

– Правильно мыслишь, Смыка, – подхватил Санькину интонацию Быка. – Кто не рискует – тот не пьёт шампанское. А тут и риску-то никакого нет. Все ищут, пробуют, устраиваются, увольняются, сходятся, расходятся... Жизнь, короче! Поехали, Санька, у меня ведь тоже, если по чесноку, сомнения есть. На зоне – одно, там из боязни за шкуру свою столько наобещать можно, а здесь – совсем другое. Но он, вроде, правильный пацан, куму не стучал, перед блатными не пластался. Да и не обещал он ничего особенного. Да. Как говорится, работаем – получаем. И всё.

– Ладно, попробуем, – согласился Санька. – Только без криминала, Быка! Я тут несколько раз по краю ходил. Всё те же кражи и драки, за которые ты срок отмотал. Только я немного хитрее был и во время с места слинял, но в ИВС пришлось попариться. А вполне бы мог и в Белый Лебедь залететь и, скажу тебе, надолго, если бы по полной предъявили.

– Сань, я ж тебе говорю, завязал! – почти поклялся Быка. – Мы с тобой лучше питерских девочек пользоваться будем да в хорошие места захаживать... иногда.

– А хватит у нас на хорошие – то места? – С усмешкой поинтересовался Санька. – Говорят, там всё в разы дороже?

– А мы только по Лёхиной наколке пойдём – так кореша моего зовут, – отвечал Быка. – Зачем нам переплачивать. У него всё для своих. И кафе – тоже. Брат его держит. Для начала договорились посидеть в дешёвой пивнушке на Смоленской. Там и обговорили все нюансы, вплоть до того, что с собой брать и как себя вести при устройстве в Ленинграде.

– Питерцы есть питерцы так же, как москали есть москали, – констатировал злобу дня Быка, – а мы – русские из провинции!

– Лучше бы мы были евреями! – пошутил прошедший в армии школу национального притирания Санька. – По крайней мере, нам бы больше платили. Усмехнувшись в порыжевшие от курева усы, Быка спорить не стал, а только заметил, что их кум на зоне был подполковником Гершензоном. И когда какая-то там проверка из УИН наковыряла в учреждении кучу нарушений, убрали почти всех офицеров, кроме Гершензона. И они выпили водки под Быкин тост: «Чтоб всё у нас было, и нам за это ничего не было!». На следующее утро папа Федя, осторожно подкравшись к Санькиному дивану, положил ему на лоб завёрнутый в тряпицу лёд, который скоро растаял – так что Санька проснулся на совершенно мокрой подушке. «Наблевал что ли?» – спросил он себя с укором. Но, не обнаружив на чистой материи ни желчи, ни остатков пищи, решил, что это последние слёзы по его «отболевшим» женщинам.

Разговор с папой Федей и мамой Ниной вышел на удивление коротким. Они оказались не против: папа Федя всегда считал, что молодость должна себя непременно пробовать и испытывать, ибо иначе она не молодость, а «большая задница последнего генсека». А мама Нина была абсолютно уверена, что её сыночек скоро обязательно вернётся, потому что он вовсе не столичный хлыщ, а привязанный к родному месту горожанин. «Ты только не встречай там ни во что, пока не разобрался!» – жалобно попросила мама Нина и, перекрестив сына, дала ему с собой небольшую иконку со Святым Иоанном Кронштадтским. И Санька поехал покорять Северную Пальмиру, прихватив в дорогу пару местной водки, недавно официально признанной «Лучшей водкой России». Ох, лучше бы он этого не делал!

Глава восьмая

Ехали в новом плацкартном вагоне на нижних полках: полный кайф да ещё и с лучшей водкой и мамкиной закуской! Впрочем, Санька сразу предупредил разомлевшего на свободе Быку:

– Ты давай без фени и вообще шифруйся! У нас новая полоса пошла, понял? Санька был гораздо сильнее и не только физически, даже несмотря на Быковы отсидки. Вчерашний ээк правила знал, а потому тут же ответил «Яволь!» и стал аккуратно нарезать копчёную колбасу и сыр. Сосед у них был только один, который согласился выпить с ними за компанию, потому что всё равно ехать скучно, а так, глядишь, потом и в дурака перекинуться можно.

– А как насчёт «сека – бура – козёл»? – хищно спросил Санька.

– Я не умею, – простодушно отвечал мужчина вполне интеллигентного вида лет пятидесяти от роду. – Подкидной дурак – вполне увлекательная и совершенно безобидная игра. А про азартные игры столько всего неприятного сказано и написано. Просто жуть берёт!

– Это уж точно! – легко соглашался шифрующийся под порядочного обывателя Быка. – Один мой сосед по... в общем по санаторию, связался, блин, с дурной компанией – так без штанов остался. Про бабки я уж не говорю. Всё подчистую просадил! Да ещё должен остался. Потом, когда из санатория откинулся, пришлось тачку за долги продавать и сеструху в аренду сдавать...

– Это как? – не понял интеллигентный попутчик.

– Ну, она у него проституцией подрабатывала, – сообщил доверительно Быка. Санька двинул его локтем в бок и внушительно кашлянул.

– Да, об этом писали в этом... как его, блин... «Криминальном рабочем», – вырливая из ситуации, авторитетно пояснил Быка.

– А что, и такая газета появилась? – почти с восхищением воскликнул попутчик.

– Спрашиваете, – отвечал со знанием дела Быка. – То ли ещё, папаша, у нас появится! Говорят, Гагарина нашли!

– Да что вы? – искренне изумился разгорячённый рюмкой сосед.

– Точно я вам говорю, – горячо зашептал через столик с закусками Быка. – Во Флориде на вилле живёт.

– А Серёгин? – серьёзно спросил всезнающий интеллигент. – Они, помнится, вместе на «Миг-15» летели.

– Про этого врать не буду, – серьёзно отвечал Быка. – Надо с питерскими корешами перетереть. У них с Чикаго – прямая линия. Вас как по имени – отчеству, а то неловко как-то пить за здоровье, не зная за чьё?

– Илья Петрович Бухвиц, ваш покорный слуга! – отрапортовал мужчина.

– О-о! Очень приятно! – поднимая очередные сто граммов, отвечал Быка. – У нас в санатории тоже отдыхал один... Илья, Гольдманом звали. Санька был готов провалиться сквозь вагонный пол и даже ниже! Чтобы разрядить ситуацию, он щёлкнул клавишей магнитофона и, услышав пугачёвского «Арлекино», сообщил, что давно мечтает сходить в ленинградский цирк, на что уже изрядно захмелевший Быка заявил, что нынешние цирковые фокусники – это полный карточный беспредел, одна, блин, краплёнка! Санька понял, что с Быкой всё впустую и подлил соседу водки. Дальше они стали азартно рубиться в дурака, и уже интеллигентный сосед удивлял Саньку восклицаниями типа «А я её по усам!» и «Кроме буб всех юб!». Но вскоре водка возымела своё окончательное действие, и Санька предложил стелиться. Изрядно опьяневший Бухвиц, с испугом глянув на вторую полку, выразил серьёзные опасения на предмет «залезания в столь высокие покои». Тогда Санька махнул рукой и, вспомнив про свою молодость, стал укладывать благодарного попутчика на нижнюю – свою полку, а сам посте-

лился выше. Когда Бухвиц захрапел, истосковавшийся по самым элементарным человеческим чувствам Быка бережно перевернул того на бок, и храп тут же прекратился. Санька при этом вспомнил, что когда начинали храпеть в казарме, то в направлении храпа обычно бросали кирзовый сапог, а то и предмет поувесистей.

– Ну, давай по последней, – обречённо предложил Быка и, не дождавшись ответа, влил в себя остатки водки. И тут Санька понял, что хоть и вполне хорошо и мирно они сидели, но вот опять, как всегда, надрались и завтра в Питере... Но утром, когда Бухвиц опять стал насыщать купе своим упрямым храпом, Быка тронул Саньку за локоть и позвал его спуститься на свою нижнюю полку. Когда больной на голову Санька опустился рядом с Быкой, на столике перед ним стояла четвёрка самогона, а рядом – две «Жигулёвского». Быка нетерпеливо потёр ладони одна об другую и разлил, как он выразился, ровно по сто двадцать пять капель. Через пять минут обоим заметно полегчало. Потом, уже никуда не спеша, они под остатки копчёнки выпили пива и стали собирать вещи: за окном вагона мелькали высотки Купчина. Помятая физиономия Бухвица утром казалась совершенно чужой и отстранённой. Он сухо поблагодарил за компанию и, ловко ухватив так и ни разу не открывавшуюся им дорожную сумку из дорогой кожи, поспешно пересел ближе к коридору. «Словно и не выпивал с нами», – ехидно подумал Санька. Скоро вагон сильно качнуло, и по проходу куда-то зашпешили возбуждённые приходом новых дневных забот пассажиры.

– Давай сейчас на вокзал, в буфет, – предложил Быка. – У меня с собой ещё склянка есть. Пока метро не открылось, мы ещё по граммულке вотрём и хавчиком сверху прикроем. Да, и на клапан уже давит – надо бы до толчка да кал на всякий случай кинуть. Потом я брякну корешу, что прибыли, и – отдыхать на хату. А все дела отложим на завтра, идёт?

– Идёт! – легко согласился Санька, и в самом деле несколько уставший и от дороги, и от всех этих последних пьянок. И туалет на Московском вокзале хороший: можно и помыться, и побриться, и всё остальное. А потом, просто хорошо и безмятежно поспать – и хоть трава не расти! Но в комнате, куда питерский Лёха поселил «своих корешей», Саньке отчего-то не засыпалось. Он смотрел из своего исполинского окна на зудящие трамвайные канаты Первой линии, ощущая всё отчётливей и конечней, что может спать только ночью, когда гладит лоб и виски синий, умиротворяющий свет этой недостижимой, но неизменно манящей и всегда желанной звезды. Но и в этом он был не прав, потому что ясных ночей в осеннем Ленинграде было немного, а потому ленинградцы даже Луну видели редко, а смотреть на звёзды особо озабоченные любители ездили в Пулковку, но Санька ни о чём таком не слышал, а тем более не догадывался.

Глава девятая

Санька уснул лишь под утро, а потому даже в десять, когда Быка успел не только умыться – побриться, но и приготовить завтрак, он, выражаясь по – армейски, ещё пускал пузыри, то есть производил губами странные звуки, и в самом деле, очень похожие на едва уловимые хлопки лопающихся на воде пузырей.

– Бык, у нас там ничего не осталось? – задал Санька приятелю безнадежный вопрос.

– Как же, оставишь ты! Держи карман шире! – Пытался выглядеть недовольным и даже обиженным хитрый Быка. – Но обшмонал я тут свой сидор по новой и вот нашёл пару фанфурей «Тройного». Мамка мне их на зону закупила целую коробку: видно, шибко надеялась, что меня упекут лет на десять, а я, вишь, по УДО через трёх вышел. Да и не принимали на зоне одеколон. Но, тем не менее, вишь, не зря старалась?

– Быка, я не могу одеколон, – жалобно простонал Санька. – Мочу свою из стакана пил, когда за рулём выпивши поймали, а одеколон... нет, не осилю! Нет, мне в армии хохлы предлагали, но я как понюхал, а от него какой-то не то сиренью, не то гвоздикой шибало... Я сразу на толчок – и блевать.

– Сравнил хрен с пальцем! – не повёлся на Санькину брезгливость Быка. – Да разве западенцы чего путного когда предлагали? Сравниваешь тоже – цветочное дерьмо, напичканное разной химией, и божественный «Тройной», то есть трёхзвёздочный. В нём один спирт медицинский и какой-то эссенции немного капнуто для отвода глаз, что, дескать, парфюм, а не пошло! Ладно, брось ты выкобениваться, составь компанию, я и водку не могу в одиночку. Пожалей кореша!

– Ну, ты, Быка, и микстура! – в сердцах подсадовал Санька. Но по дрогнувшему Санькиному голосу Быка уже всё понял и приступил к «составлению» коктейля. Минут через пять перед Санькой стоял стакан с мутноватым содержимым жёлтого цвета.

– А отчего он мутный? – с подозрением спросил Санька. – Чо за параша ты туда набухал?

– Так, попробуй сам чистый спирт разбавь водой, он всегда помутнеет! – Победно поднял свой стакан Быка. – Ну, давай за Васильевский остров саданём. Чтoб нам тут жилось сытно и весело – короче лучше, чем на общем режиме.

– Ну, Быка, блин! – выругался Санька, едва не выронив стакан. – Только настроился на «три звёздочки», а ты про зону...

– Ну, прости, Смыка, – искренне винясь, запричитал Быка. – Не то я буровлю, совсем волей башку заклинило! И то, с бодуна и не такое вывезешь, отсохни мой язык...

– Ловлю на слове! – выдохнув всей грудью, примирительно пообещал Санька и с неистребимым отвращением приник к стакану.

– Вот и давно бы так! – удовлетворённо сказал Быка и сделал то же самое. С минуту они потерянно молчали, видимо с опаской ожидая реакции желудка или каких иных, задействованных в процессе органов. Но всё, вроде, оставалось на своих местах.

– Интересно, а что если сейчас на горящую спичку дыхнуть? – спросил Санька.

– Станешь Змеем Горынычем! – ответил Быка, на глазах румянясь и веселея. Второй пузырёк ушёл как-то сам собой, без напряжения и специального настроения.

– А я тебе что говорил?! – доставал Саньку добившийся – таки своего вчерашний ещё уголовник, которого распирало от гордости за победу над Санькиным предубеждением. – Я ж тебе говорил – чистый спирт! Чуешь, как на мозги ложится? Шустрее, чем водка, не говоря уж про бормотуху. Пойми, Смыка, в этой, блин, жизни, как говорил нам старый вор Никон, всё относительно: нравится – не нравится, красиво – некрасиво, вкусно – невкусно, хорошо – плохо, принято – не принято. Да, одеколон принято наносить на лицо, то есть на нежную кожу, которая его впитывает. Спрашивается, куда впитывает? Всё в тот же наш организм, куда

и водку впитывают желудок и кишки. По большому счёту, какая разница? Ты попробуй натри лицо сильным ядом, эффект будет тот же, что если бы ты потребил его через рот.

– Но ведь есть ещё и качество! – попробовал возражать тоже порозовевший от одеколona Санька.

– Правильно! – Легко согласился Быка. – Так, я и предложил тебе тройнику, а не «Гвоздики», от которой комары дохнут. У нас один хирург сидел за убийство, так он, если есть выбор, лучше «Тройного» выпьет, чем какого-нибудь «Портвейна», хотя одеколон – это парфюм, а «Портвейн» – пищевой продукт. Это так же, как с бабами: с одной разговоры разговариваешь да по киношкам шатаешься, а с другой – из постели не вылезает. А ведь у обеих сверху – голова, а снизу – кое-что другое. Так же и в бормотухе с «Тройным»: и там, и там – спирт, но ты теперь знаешь, что по кайфу лучше.

– Ну, так и наркоту можно обосновать! – вскинулся Санька. – Там кайф ещё забористей?

– Я про наркоту, Смык, тебе ничего не впаривал! – отчего-то злым голосом отвечал Быка. – Но могу, если хочешь, тебе заметить: никогда и ни в коем случае не пробуй!

– Да, пробовал я уже, – признался без особого энтузиазма Санька.

– Что, герик? – спросил, на глазах возбуждаясь Быка.

– Да, почти, – не моргнув глазом, начал вспоминать Санька. – Приятель, падла, хотел на иглу посадить. Похмелье моё укольчиком снял, а потом позвал маки на даче резать. Но я во время понял и соскочил, хотя, если честно, иногда очень тянет попробовать ещё. Но ведь в жизни этой много куда тянет. В Древнем Риме вон даже коз пользовали, а царь Митридат в крови младенцев купался.

– Вот и я, Сань, о том же хотел, – согласно кивнул Быка. – Спирт – это пищевой продукт, а наркотик – чистая медицина! К нему привыкание в десять раз сильнее, чем к водке. Ну, и ломки тебе – это уже не похмелье. Высоцкий вон не вынес! И таких – миллионы!

– Знаешь, Быка, а я не во всём с тобой согласен, – раздумывая о чём-то, проговорил Санька. – Ты в принципе сам себе и противоречишь. А разве пищевой продукт не может стать «медициной» и наоборот? Что, не знаешь, как ответить? И не пытайся, пустое! Всё относительно, как этот твой Никон говорил. И верно, и неверно. Потому, что та тёлка, с которой ты валяешься в постели, наверняка мечтает пойти с тобой в кино, а та, которую ты заморозил на Невском, быть может, не прочь юркнуть в твою постель. Поэтому, Быка, давай уж лучше, если станем прилично получать, то пить «Смирновскую» и «Арарат», а душиться – дорогой туалетной водой.

– Базара нет, Саня – широко улыбаясь, миротворчески развёл руки Быка. – Про «Тройной» я говорю на тот случай, если непруха там какая или, упаси Бог, на зоне оказался. От тюрьмы да от сумы – сам знаешь, а потому лучше иметь и такой вот помойный опыт. И тут Санька вдруг вспомнил своё детство и сон про помойку. И понял он и запомнил теперь уже до конца своих дней, что синяя звезда впереди и помойка сзади так и будут идти с ним по жизни до самой последней его минуты.

Глава десятая

Лёха, на беглый и невзыскательный Санькин взгляд, оказался вполне свойским мужиком, который, в отличие от Быки, не сорил в разговоре ни тюремной феней, ни питерским новоязом. Прежде всего, он угостил приезжих хорошим кофе с песочным печеньем, поинтересовался, как устроились и чего им сейчас не хватает, на что Быка заметил вчерашнему сидельцу, что неплохо бы небольшой аванс, поскольку что-то забыли прихватить из-за спешки и понятного волнения, а чего-то хватились уже здесь, в общежитии.

– Я могу вас и на хату устроить, если хотите, – поделился с гостями своими возможностями Лёха, – только, во-первых, это далеко, а во-вторых, за общагу платить не надо, а за фатеру – очень даже существенно. И потом, туалет там в пяти метрах, на первом этаже – душ, постирочная с автоматами, гладильня, буфет (я уже приказал держать для вас пиво под прилавком), а выйдешь на Линию – всё рядом. Как в сказке Пушкина: пойдёшь налево – Петроградка, направо – водка и метро!

– Спасибо, Алексей, – искренне поблагодарил Санька. – Нас всё устраивает.

– Вот и ладно. А сейчас прямо по коридору, третья дверь налево, даму зовут Марья Ивановна, она о вас предупреждена. Потом сходите на место работы – тут недалеко, в общем, получите спецодежду, талоны на обед, пройдёте общий инструктаж, договоритесь с мастером о выходе и валите отдыхать до завтра. Если головы будут с непривычки болеть, то выходите через день. В принципе, время пока терпит, а вот потом, когда впряжётесь, уж не обессудьте: я денег зря не плачу! Да, и сам вынужден запахивать по двенадцать часов, иначе прибыли не будет, а тогда на кой всё это нужно? Ну, бывайте. И, крепко пожав обоим руки, Алексей тут же углубился в изучение каких-то хитрых графиков.

– Слышь, Быка, – стал делиться своими впечатлениями Санька, – он, вроде, постарше нас будет?

– Ещё бы! – почти с восхищением воскликнул Быка. – Он университет ещё до посадки окончил. У него жена и двое детей. Старший в школу пошёл!

– То-то я смотрю, говор, воспитание, осанка вообще, – похвалил Быкиного кореша Санька. – Думаю, нам это на руку. Хотя... такого на кривой не объедешь! Опытный и с очень хорошими нервами. Если что не по нему будет, такой, запомни, Быка, чикаться с нами не станет. Поэтому работаем в рамках, ни во что особо не впрягаемся, косим под тупых, по крайней мере, первое время, пока к нам присматриваются. А потом, когда глаз у наблюдателей замылится, попробуем подняться. Не сидеть же вечно в подсобниках!

– Хочешь анекдот про подсобников? – Поигрывая серебряной цепью, спросил Быка.

– Если короткий, – согласился Санька.

– Короче, черпала из отхожего места дерьмо вычерпывает ведром и передаёт его подсобнику – мальчишке, чтобы тот в передвижную бочку сливал. Ну, устал мальчишка, неловко принял ведро, оно наклонилось – и оттуда дерьмо черпале прямо в лицо. Утёрся тот рукавицей, сплюнул под ноги и говорит: «Эх, Васька, никогда тебе черпалой не стать. Так и проходишь до пенсии в подсобниках!».

– Надеюсь, до дерьма нас твой кореш не опустит? – То ли спросил, то ли поделился своим предвидением Санька.

– Да, у него и такой работы-то нет, – с некоторым сомнением проговорил Быка. – Помощник есть, а вот про подсобников я ничего не слышал. Хотя я бы и помощником не пошёл. Никогда не шестерил, не умею и противно. Уж лучше с больной спиной, чем с лакейским подносом!

– Успокойся ты, Быка! – Санька похлопал друга по плечу. – Нас с тобой, я так понял, никто в помощники и не звал. Наше дело – сортировочная станция, а там всё, как в картах, то есть в четырёх мастях: смотри – хватай – тяни – клади! И больше уже не споря, они

согласно стали заполнять необходимые бумаги, чтобы потом выслушивать назойливое бормотанье пожилого мастера Кузьмича, который всё время боялся чего-нибудь опустить, и из-за этого ему постоянно приходилось напоминать то про одно, то про другое.

– И на кой Лёхе на производстве такой старей пень? – удивлялся Быка, ещё не дойдя до двери из инструктажной. – У него уж, наверное, правнуки бегают, а он всё о какой-то технике безопасности парится! А я тебе так скажу: будет у нас техника – будем мы в безопасности, а иначе или пупок развяжется, или горб треснет!

– Про технику потом подумаем, – размышлял вслух Санька. – Сейчас, главное, в схемах здешних разобраться и в людях, конечно. Понимаешь, сейчас с работой напряг, у кореша твоего поэтому – богатый выбор, и он с работягами особо не церемонится. Вникаешь? Ему, прежде всего, нужна прибыль. Поэтому климат тут, я думаю, паршивый. А мы с тобой кто? Правильно, приезжие, можно сказать, мигранты, и нас тут, мягко говоря, не ждали. Поэтому vareжку особо не разевай: Лёха взял, а дальше – мы сами должны себя поставить.

– Как на зоне! – заключил Быка.

– Как в армии, – согласился Санька.

Добравшись до своей станции метро, они не стали закупаться в большом универсаме, а прошли для интереса по профильным магазинчикам, которых на острове было великое множество. В одном выбрали мясных полуфабрикатов, в рыбном – копчёной корюшки, в овощном – огурцов и помидор, в булочной – только что испечённого ржаного, в винном – недорогой «Петровской» мадеры и новгородского квасу. Пришли к себе на Первую линию с несколькими пакетами снеди и перво-наперво, послав все рабочие проблемы по-русски, выпили мадеры за то, чтоб ... «болт стоял, и деньги были!». Когда вышли на кухню жарить котлеты, обнаружили там двух вчерашних студенток, которые корпели над немудрящей пшённой.

– Маргарита – взял Санька за локоток одну из них, особо приглянувшуюся ему, – если располагаете временем, то давайте к нам через полчаса. Поедим говяжьих котлеток, выпьем мадеры с сыром. Посоветуете нам что-нибудь по Питеру, а то мы только что приехали и ещё не врубились.

– Сейчас начало года, – отвечала улыбчивая Маргарита, – а потому со временем проблем нет. Чтение надоело, музыка – тоже, а мотаться по городу, чего уж там, без денег хлопотно. Поэтому, а отчего бы и не по котлетам? Мальчики приглашают – девочки соглашаются. Через полчаса мы у вас!

Похмельное утро настигло Саньку ... на панцирной сетке. Спина и локти рук у него были краснее задницы бабуина. Санька повёл взглядом окрест и обнаружил свой матрац на полу возле шкафа. «Всё ясно, – начал он продираться сквозь обрывки расстроенной памяти, – кровать сильно скрипела, и мы перебрались с матрацем на пол. Этому меня Маруська в минской общаге научила». Но нюансов своей сексуальной одиссеи он положительно не помнил. Тогда он стал осматривать остатки пиршества и, к своему удовольствию, обнаружил на краю стола полбутылки мадеры. Мадера была, на его памяти, самым крепким вином и к тому же с минимальным содержанием сахара, что тоже говорило исключительно в её пользу. Выпив полстакана горьковатого напитка, Санька сразу вспомнил, что когда-то в училище преподаватель литературы рассказывал им о том, что известный на всю Россию царский экстрасенс и ясновидящий Григорий Распутин тоже употреблял одну только мадеру, и никогда она не валила его с ног, потому что была прозрачной не только по цвету и вкусу, но и по сути. «Оставить что ли этому дамскому угоднику Быке или он, как Киркоров, пьян любовью?» – подумал Санька о неизвестно где ночевавшем приятеле и вдруг испугался: «А что если он рванул пьяный на улицу? У него ведь только справка об освобождении, и ему пьяному по Питеру – «полная задница!». Заметут – и тут же на высылку из города с предупреждением, если вообще выпустят, а не посадят на сутки. Надо к девкам заглянуть, они, вроде, трезвее были...». И Санька, кое-как натянув мятые джинсы и свитер на голое тело, двинулся наверх, в 32-ую комнату. Осторожно стукнув

в ненадёжную филёнчатую дверь три условных раза, он услышал внутри тревожный шёпот. Постояв неподвижно с полминуты, он повторил стук и глухо прошептал в щель возле косяка: «Быка, это я – Санька... Вы живы? А то я тревожусь!». Тут же послышались шлепки босых ног, щёлкнул английский замок, и в проёме показалась полуголая Маргарита в едва запахнутом халате:

– Ты чо так рано? – сладко зевая, пробормотала она. – Мы ещё спим.

– А Быка у вас? – с надеждой спросил Санька.

– Да, он вроде к себе уходил... Люда, что Дима сказал, когда уходил ночью? – Обернувшись, спросила Маргарита у своей шустрой напарницы. Та неожиданно чётко, как Никулин в «Бриллиантовой руке», протараторила:

– Попрощался, хлопнул дверью и сказал: «К себе!». Согласно кивнув, Маргарита вновь повернулась к Саньке, неопределённо пожала плечами. Не сказав больше ни слова и даже не кивнув, Санька с мрачным видом отправился к себе, прикидывая варианты своих дальнейших действий. Ещё не дойдя нескольких шагов до своей комнаты, он понял, что сию же минуту должен спуститься на вахту и аккуратно полюбопытствовать: «А не выходил ли новый жилец из 20-ой комнаты под утро на улицу? И если да, то не возвращался ли?». Подумав ещё секунду – другую, он всё-таки решил сначала привести себя в полный порядок, то есть умыться, надеть свежую рубашку и брюки и выпить кофе, чтобы «не тянуло из пасти». На все эти процедуры у Саньки ушло не более получаса, и он, нетерпеливо сбежав по лестнице и, напустив на себя волну абсолютного спокойствия, подошёл к вахте. Здесь он прочёл за стеклом, что дежурит сейчас Галина Ивановна.

– Здравствуйте, Галина Ивановна! – поздоровался он с пожилой женщиной в очках. – Я из двадцатой комнаты со второго этажа, мы заняли её вчера по договору с директором товарной станции. Понимаете, я вот проснулся, а напарника нет. Ждал – ждал и вот решил поинтересоваться у вас, а не выходил ли он под утро на улицу? Не проходил ли через ваш контроль? Женщина опустила очки на кончик носа и посмотрела на Саньку в упор, глаза в глаза, словно он только что совершил какое-то безобразие, а то и преступление. Саньку даже передернуло, и он инстинктивно, как будто для оправдания, добавил к сказанному:

– Мы вчера очень устали, и я уснул довольно рано, а к нему зашла знакомая. И они, видимо, долго чаёвничали. Возможно, он пошёл её провожать?

– Чаёвничали, говорите? – прогнусавила женщина. – Да, он проходил, только явно не после чая, а чего куда покрепче. Я даже пыталась его удержать, что, дескать, куда в таком виде? Но куда там? Он мне сунул под нос татуировку на своей руке – такую лодку с парусом и сказал, что сейчас сядет в неё и уплывёт отсюда к чёртовой матери. Он сказал не «к чёртовой», а гораздо грубей! И я от него отступилась. То есть я даже испугалась: у него было такое лицо!

– Так, он выходил один и не возвращался? – не теряя надежды, спрашивал Санька.

– Один и не возвращался, – точь-в-точь повторила его слова Галина Ивановна.

– А не могли вы задремать или там отвлечься, или куда-то отойти на несколько минут? – допытывался Санька.

– Молодой человек, я работаю здесь уже десять лет, – заговорила обиженным тоном женщина. – И если даже выхожу в туалет, то прошу на минуту-другую побыть здесь кого-нибудь из надёжных жильцов, которых я неплохо знаю. И уж совершенно точно скажу вам, что этой ночью я никуда не отходила. Так что, видимо, ваш друг где-то шибко загулял, у кого-нибудь из друзей... Нынешние молодые ленинградцы – такие моты и бездельники!

– Хорошо бы, если у друзей, – озабоченно проговорил Санька, – но у него в Питере никого нет, ни родных, ни друзей, ни даже просто знакомых. Не успел он закончить последней фразы, как Галина Ивановна высоко подскочила над своим старым продавленным стулом и, испуганно вращая подслеповатыми глазами, заговорила в совершенно истеричной манере:

– Так, что же вы медлите? Звоните в милицию, чтобы начали розыски. Чем раньше начнут – тем больше вероятности на успех!

– Эх, Галина Ивановна, сейчас пять или десять минут уже мало что значат. – Отвечал поникший Санька. – И потом, вы плохо знаете нашу милицию! Прежде чем туда звонить, надо хорошенько обо всём подумать, иначе сам окажешься у них в обезьяннике! Но делать было нечего, поскольку Быка, или Быков Дмитрий Семёнович, вышел ночью на улицу и исчез. Был он сильно нетрезв и просто гулять столько времени наверняка не смог бы физически. Скорее всего, с кем-то познакомился, но нынче не белые ночи, народу на улицах – единицы. И такое знакомство могло ни к чему хорошему не привести. Лучше бы в вытрезвитель попал! По крайней мере, жив – здоров, не обобран и не избит. Впрочем, Санька вспомнил, как ещё до армии его обобрали на Московском вокзале менты. Он перешёл в неполюженном месте улицу, спеша с Невского на поезд. Его остановили всего в нескольких десятках метрах от вокзала, затащили в «УАЗик» и, вывернув из кармана все деньги, оставили ровно на дорогу. Такие вот честные ребята оберегали покой ленинградцев от разной там заезжей шушеры, о которой, согласно одному недавно открытому источнику, ещё Гагарин, улетаая в космос, сказал: «Понаехали!».

– Алё, милиция? – как можно спокойней говорил Санька в трубку телефона на вахте. – Меня зовут Смыков Александр Фёдорович. Я звоню вам из общежития пединститута имени Герцена, что на Первой линии. Да, в доме со статуями на крыше, где у Ломоносова лаборатория была. Так вот, сегодня ночью, вернее уже под утро, из общежития вышел на улицу Дмитрий Быков, который проживает со мной в комнате номер 20, и не вернулся. Я бы не беспокоился так. Но, во-первых, у него в Ленинграде нет совершенно никого: ни родственников, ни знакомых. А во-вторых, он был не совсем трезв, так как мы отмечали вечером мой день рождения. Да – да, в нашей комнате. Только я уснул, а он ещё долго чаёвничал с гостьей. Потом сказал ей «до свиданья» и по не известным мне причинам вышел на улицу. И как в воду канул! Да, молодой! На вид примерно 22 года, коротко стрижен, одет в синюю ветровку и синие джинсы, рубашка на нём была тоже голубая из хлопка. И кроссовки адидасовские. Носки, вроде, белые с якорями. Во рту в верхнем ряду две золотые коронки, а на левой руке тату – лодочка с парусом и печатка с волчьей головой. В разговоре нередко употребляет феню. Да, отбывал по хулиганке. Но не агрессивен, собирались вот в Питере работать, уже устроились на товарно-сортировочную станцию. Завтра – первый день, а тут такое! Буду дома. Знакомая, с которой он общался перед тем, как уйти, тоже здесь. Да, учится на последнем курсе инъяза. Из Луги, кажется. До свидания. Наряд прибыл столь быстро, что Санька не успел даже подняться к себе на второй этаж. Его туда буквально вволокли некий поджарый капитан Спицын и два глыбообразных сержанта. Тут же учинённый нарядом обыск выявил в вещах у Быки целлофановый пакет маковой соломки, затем Саньку сильно приложили, после чего он практически уже ничего не помнил.

Глава одиннадцатая

... Приёмник РОВД на Васильевском острове мало чем отличался от того, в котором Саньке приходилось бывать в родном Городе. Те же облупленные углы и исписанные скамьи, такие же взвинченные назойливые «клиенты» и характерный тошнотворный запах – смесь потной одежды, мочи и металла. Санька вдруг подумал, что такими наши ИВС, СИЗО и КПЗ были всегда и не только, а вернее даже не столько из-за нехватки денег, сколько из-за пренебрежения власти к человеку вообще. Только в обычной гражданской жизни наш человек всё же хоть как-то защищён кошельком и остатками системы гражданских прав, на которые за тюремными замками нет даже и тени намёка. Особенно если кошелек ощутимо тощ, а то и вовсе пуст. Сейчас Санькин кошелек был пуст, ленинградской прописки у него не было, как не было и питерских друзей – заступников, которые могли бы сочинить судье какое-нибудь ходатайство, «взять на поруки» или внести залог. Оставалось надеяться на случай, стечение обстоятельств или на откуда ни возьмись появившуюся справедливость, которая в родном Городе, случалось, и посещала под утро: или тёплым мам Нининым пледом, или бутылкой холодного пап Фединского пива, или вдруг проснувшимся желанием какой-нибудь Маши, Жанны или Розы. Санька в очередной раз отмахнулся от буквально липшего к нему долговязого гея, которого выловили в каком-то специфическом притоне, где всех повязали за торговлю оружием, и только его, как «мальчика по вызовам». Гея недавно перевели сюда из ИВС, и он был счастлив как ребёнок.

– Сейчас административный выпишут – и на волю! – не уставал повторять он Саньке и заговорщически подмигивал – дескать, ты-то меня понимаешь? Им сидеть – не пересидеть, а мы будем жить и срывать цветы удовольствия.

– За удовольствия надо платить, – сказал Санька. – Сегодня административным штрафом, а завтра и собственной шкурой! Ты бы, цаца, по первому приглашению зад не подставлял, а то в следующий раз тебе туда не протокол ментовский, а сучкастую палку в аккурат воткнул! И тату на щеку спецом выколют. Мне как-то пришлось на это глянуть, так до сих пор воротит. Голубой испуганно отпрянул к стенке, а до Саньки вдруг дошло то очевидное, до которого он прежде отчего-то не домыслил. «А ведь у кореша Алексея точно такая же, как у Быки, татуировка на кисти: лодочка с парусом! И Быка, выходя в город, именно её и показал вахтёрше. И сказал, что сейчас уплывёт в этой лодочке и сделал страшное лицо. Куда? Ну, конечно, к корешу Лёхе, с которым на зоне горе мыкали. А я почему-то считал, что у него здесь никого. Правильно, никого, кроме сидельца Лёхи. Так, номер Лёхин у меня в блокноте есть, но его вынули, когда по карманам шарили. Значит, надо придумать какой-нибудь повод позвонить. И он должен быть веским, очень веским! Значит, надо этих двоих, что здесь дежурят, заинтересовать. Например, скажу, что сейчас приедет знакомый предприниматель и даст вам денег за... за пятиминутный базар насчёт залога или «подписки о невыезде». Скажу, что буду нем, как рыба, и всё такое». С этими мыслями Санька решительно подошёл к решётчатой двери и постучал костяшками пальцев по замку, но стук получился чересчур слабым, и лейтенант, голова которого виднелась за мутным, обсиженным мухами стеклом, не обратил на это никакого внимания. Тогда Санька взялся за двери обеими руками и силой качнул их туда и обратно. На сей раз раскаты металлического гула заполнили собой весь обезьянник, и к дверям миглом прибежали сразу оба дежурных. Лица у обоих были озлоблены, а в руках нетерпеливо вибрировали резиновые дубинки.

– Ты чо, борзой что ли? – заноса дубинку для прицельного удара, угрожающе спросил сержант.

– По делу я, – резко отдернув с решёток пальцы и неподвижно глядя в водянистые глаза оплывшего жиром сержанта, сказал Санька. – Всё равно нам от этого никуда не уйти. Только тогда платить придётся этим пришлым из ППС, а мне так лучше, если заработаете вы.

– Чего ты хочешь? – отодвинув сержанта, выступил вперёд лейтенант, который хоть и был моложе, но зато поджарый, в хорошо пригнанном кителе.

– Мне нужно позвонить одному серьёзному мужчине, директору предприятия, который не обидит. Он приедет, мы поговорим, он вам заплатит, а потом пришлёт к вашим начальникам своего человека. Они договорятся. Я выхожу работать. О телефонном разговоре никто ничего не знает. Все остаются при своих интересах. Всё.

– Иди звони, – разрешил лейтенант, – только без фокусов.

– Иду, – отступая от решёток, сказал Санька, – только блокнот мне дайте. Я номер телефона забыл. Сержант грязно выругался и пошёл, бренча связкой ключей, к металлическим шкафчикам с номерами. Вскоре он принёс коричневый блокнот и, на всякий случай, ручку. Саньке опять защёлкнули на запястьях наручники и повели его внутрь дежурки, где на столах стояло сразу несколько телефонов. Лейтенант показал ему на старый дисковый аппарат, сказал почти вежливо:

– Ты садись, набирай номер и договаривайся. Если что понадобится – спрашивай. Я – рядом. «Ну, вот и славненько, – подумал Санька, – этот, наверное, сразу после армии и школы милиции, полностью ссучиться ещё не успел. А сержант уже конченный отморозок: такие только жрут и испражняются». Он быстро открыл номера на букву «Т», где последним значился телефонный номер Тарасова Алексея Тарасовича. Диск вращался неровно, выписывая, как велосипедное колесо, крутые восьмёрки. Наконец, трубка ответила частыми гудками: кто-то разговаривал. Санька нажал на рычажок, и, немного переждав, вновь стал накручивать диск. Соединили его лишь после пятой попытки.

– У аппарата! – явно шуткуя, ответил Лёха.

– Алексей! – стараясь держаться как можно спокойней, проговорил Санька. – Это Смыков, друг Димы Быкова. У меня мало времени, пускаться в подробные объяснения некогда. Сегодня ночью Дима из общаги исчез, и мне пришлось сообщать об этом в милицию. Прибыл наряд, обыскали нашу комнату, и вот я здесь, в приёмнике Васильевостровского РОВД. За что, я не знаю. Кстати, Быка у тебя?

– Домой, на Первую линию собирается. – Как-то невесело отвечал Лёха.

– Скажи, чтоб не ездил! А вот сам давай ко мне, – почти приказал Санька. – Возьми с собой денег. Если считаешь, что я в чём-то не прав, я тут же собираю манатки, и ты меня больше никогда не увидишь. Вы уж тут с корешем как-нибудь сами. Я на нары не подписывался!

– А в чём дело-то? – вскричал вдруг Лёха.

– Я тебе всё сказал, – с трудом сдерживая себя, прорычал Санька. – И передай своему Быке, что я ему, блин, фиксы его золотые повышибаю! В трубке что-то щёлкнуло, потом зашестелело. Санька понял, что Лёха зажал рукой микрофон и, видимо, что – то спрашивает у Быки. Потом вновь послышалась приглушённая музыка, и Лёха сообщил, что выезжает. Санька аккуратно положил трубку и протянул конфискованный блокнот лейтенанту. Но тот, отрицательно мотнув головой, сообщил, что блокнот Санька может оставить при себе. Опасности он, дескать, не представляет. Положив кожаную книжицу во внутренний карман ветровки, Санька неторопливо зашагал к решётчатым дверям обезьянника. Теперь предстояло ждать, продумывая каждое слово предстоящей беседы, чтобы, с одной стороны, не опустить чего-нибудь, а с другой – не выболтать лишнего, тем самым подставив Быку или себя самого. От чересчур монотонных раздумий Санька даже задремал, а потому Лёхино появление возле решётки стало для него полной неожиданностью. Щёлкнул замок, загремели двери, и на Саньку вновь надели наручники. Лёха посмотрел на лейтенанта с укоризной.

– Таков порядок! – виновато пожав плечами, оправдался тот. И они присели за одиноко стоящий возле стены столик, на котором лежала стопка засаленных брошюр «Закон и порядок». Подошедший, было, лейтенант разрешающе махнул рукой:

– Ладно, говорите, о чём надо. Даю вам пятнадцать минут. Буду в дежурке. Всё, время пошло.

– Давай подробнее! – попросил Лёха. И Санька рассказал всё по порядку, не забыв и о подброшенной маковой соломке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.